

Араб Пётр Великий

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест
Араб Пётр Великий

«Автор»

2023

Шелест М. В.

Араб Пётр Великий / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Наш современник попадает в тело сына известного португальского мореплавателя Диаша и сам открывает острова Пряностей. Морские путешествия всегда были связаны с риском для жизни, а в начале шестнадцатого века каждый прожитый моряком день ценился за два. И так же оплачивался. Если повезёт, конечно. Нашему герою везёт, и он попытался поделиться честно нажитым со своими русскими "предками". Вышло, скажем прямо, не очень. Но герой не отчаялся и решил помочь России несколько иначе. С другого, так сказать ракурса.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	19
Глава 4.	25
Глава 5.	32
Глава 6.	37
Глава 7.	42
Глава 8.	48
Глава 9.	53
Глава 10.	59
Глава 11.	65
Глава 12.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Михаил Шелест

Араб Пётр Великий

Глава 1.

Мне часто снился один и тот же сон. В этом сне громадная волна слизывает меня за борт корабля и я, поднимаемый на высоту пятиэтажного дома, вижу уходящую от меня корму низко сидящего в воде танкера, а потом, невдалеке, остров, к которому пытаюсь доплыть. Я сбрасываю с себя лёгкие туфли, брюки, футболку и остаюсь полностью голым. В тропических водах замёрзнуть я не опасался. Однако силы мои в схватке с морской стихией таяли, я погружался в воду всё глубже и выныривал всё реже. Ни разу не было такого сна, чтобы я выплыл. Меня всегда затягивала чёрная бездна.

В реальности подобный случай имел место, только не со мной, а с моим товарищем по команде. Во время возвращения на резиновой лодке с задания, мы, лежащие на бортах и пристёгнутые к ним карабинами, не заметили исчезновения Лиса – опытного офицера морского спецназа, замыкающего и обеспечивающего четвёртой тройки боевых пловцов.

Когда я, после скатывания очередной волны, приподнял голову и осмотрелся, Лиса, лежавшего параллельно мне на правом борту, я не увидел. Короткие тогда поиски ничего не дали. Темнело в экваториальных широтах мгновенно и рано, а огни зажигать мы не имели права. Воды были территориальные, причём, партнёра нашего потенциального противника.

У Лиса был рабочий дыхательный аппарат, но с очень малым количеством воздушной смеси. Буквально – минут на десять. Жилетов – компенсаторов плавучести в современном их виде, в те времена ещё не было, а имеющийся у него пузырь экстренного всплытия до «спасжилета» не дотягивал сильно. И капитан Лисицын исчез.

В своих снах я, не смотря на поглотившую меня тьму, не умирал, а приходил в себя под банановыми пальмами на необитаемом острове, где и оставался жить, в качестве «Робинзона» с причитающимися мне «Пятницами», «Субботами», и так далее. Мой ум не заморачивался с именами участниц «виртуального» разврата.

В то время почти все мои сны заканчивались эротическими отступлениями. Я был молод и неженат.

И вот сейчас, почувствовав на сомкнутых веках солнечный луч, я открыл глаза. Луч пробивался, как оказалось, сквозь листья пальмы. Я улыбнулся и шевельнулся, но боль пронзила мою голову. Таких ощущений в моих снах никогда не было, да и сны эти давно остались в прошлом. Погрузив пальцы в песок, я почувствовал его тепло и плотный слой почвы под ним. Сев и подтянув к себе ступни, я скрестил ноги и осмотрелся. Я сидел на белом коралловом песке совершенно голый и некоторое время решал, сон – это, или не сон.

К тому месту, где я сидел, на песке имелся след недавнего волочения тела. Именно волочения. И шел след по песку от моря, проглядывавшего невдалеке сквозь стволы и листву пальм.

Осмотрев песок, я обнаружил вокруг себя множественные человеческие следы. Эти же следы, уходили от меня в лес.

На сон ситуация не походила. Во сне сектор обзора сужен и периферийные детали размыты, а здесь я видел и широко, и далеко, и близко, крупные и мелкие объекты. Один из таких «крупных объектов» неподвижно стоял метрах в пяти справа от меня и смотрел на меня не мигая круглыми глазами с застывшими чёрными и круглыми зрачками.

Поднявшись и оглядевшись в поисках оружия, я понял, что достойных этой функции предметов рядом не было. Даже камней.

Я осторожно двинулся в сторону моря. Варан, выбросив раздвоенный язык, шевельнул головой и засеменил следом. Я бросился бежать, на ходу ища глазами что-нибудь полезное и увидел слегка наклонённую пальму. Слегка наклонённую и не особо толстую. Я успел вскарабкаться на неё, но подбежавший ящер, посмотрев на ускользнувшую добычу левым глазом, поставив на ствол сначала правую переднюю лапу, а потом и левую, стал подниматься вверх, постепенно становясь на задние конечности и опираясь на хвост.

– Твою маму! – Простонал я, и пополз, судорожно дёргая ногами и обдирая голое тело о колючее дерево, дальше к кроне, где ствол загибался сильнее.

Ящер, видя, что добыча продолжает ускользать, мощно оттолкнувшись задними ногами и хвостом, прыгнул вверх, и его пасть едва не ухватила меня за ногу.

– Млять! Пошёл нахрен! – Зарычал я, поджимая обе ноги сразу, и непонятно, как и на чём удерживаясь на стволе. Рванувшись вверх, я пополз дальше.

Пальма под моим весом чуть пригнулась, и я выполз на почти параллельный земле участок, где уселся поудобнее, свесив ноги по обе стороны ствола. Сидеть голым задом на колючей пальме было не особо комфортно, поэтому я надёргал из ствола волокон и подстелил их под седалище.

Варан надежды не терял и топтался рядом, то забегая прямо под меня, пуская слюни, то пытаясь лезть по стволу, раскачивая и царапая когтями ствол.

Про варанов я знал немного, но одна деталь их характера расстраивала меня больше всего – вараны могли ждать неделями, пока укушенная ими жертва умрёт. Я укушенным пока не был, но надеяться на то, что тварь от меня отстанет, было бессмысленно. Оставалось надеяться на тех, кто меня вытащил на берег. Ведь не на съедение варану они меня притащили, подумал я.

Хотелось пить. Солнце стояло в зените и пекло основательно. Я осмотрел своё тело и отметил его хорошее физическое состояние, а так же его «загорелость». Такое тело было у меня лет в двадцать пять – тридцать. Именно в этом возрасте я с группой похожих на меня «отморозков» выполнял в Юго-Восточной Азии задачи, поставленные командованием. Именно тогда после одного из них и пропал Лис.

Как я очутился здесь сейчас, я не понимал, как не понимал и того, где это – «здесь», и когда это – «сейчас». То, что это не моё настоящее тело, я видел, но видел и то, что тело было всё же моё. То, давнишнее, молодое тело.

– Фантастика! – Прошептал я. – Чудеса!? Или всё же сон?

Щипать себя смысла не было. Болевые ощущения от колючего ствола разбудили бы любого. Я вспомнил, как однажды у меня вдруг ночью разболелся седалищный нерв, находящийся примерно в том же месте, и я от той боли проснулся и долго не мог уснуть, пока не провёл прямо среди ночи некоторые известные мне упражнения. Теперешние ощущения были столь же остры, но я никак не просыпался, а значит и не спал.

Невдалеке висели вязанки зелёных кокосовых орехов и мне удалось, хоть и с трудом, один из них. Это оказалось не так уж и легко. В орехе призывно булькала живительная жидкость, но добраться до неё руками и зубами было не реально. Я это знал. На инструктажах не раз демонстрировались способы вскрытия ореха, но ни разу и никому не удалось вскрыть кокос без, хотя бы, камня. Поэтому я метнул орех в ящера и попал ему в район шеи. Ящеру это явно не понравилось, и тварь отсемила на пару метров в сторону леса.

– Ага, животное! – Вскричал я, вскакивая на ствол обеими ступнями, и начиная приплясывать, больше от желания унять зуд, чем от радости.

Сорвав ещё три ореха, я тщательно прицелился и, как жонглёр в цирке, запустил все три ореха очередью. Все ядра попали в цель, и противник отступил ещё дальше к лесу.

Станцевав на стволе ещё несколько «па», я уже хотел спрыгнуть, подобрать пару орехов и метнуться к видневшимся вдали на берегу скалам, как из леса появились аборигены. Трое

взрослых мужчин, несколько женщин и трое детей. Все они были с палками, причём мужчины с длинными рогатинами, а один ещё и с круглой штукой, похожей на барабан или бубен.

Увидя варана, аборигены что-то гортанно закричали, затопав ногами, а барабанщик застучал кулаком в барабан, направив его нижнюю часть в сторону ящера.

Рептилия не стала ждать худшего для неё развития ситуации и, удивительно резво для её трёхметрового тела, унеслась в джунгли.

Я сидел голый на пальме.

Аборигены, одетые в какие-то цветные тряпки, смотрели на меня и лыбились, светя свои белые зубы и громко переговариваясь. В разговоре активно участвовали и мальцы, коим на вид было лет по тринадцать.

В носях и ушах воинов было вставлено множество, похожих на птичьи, косточек. А в мочку носа одного из них было вставлено два чьих-то клыка, вероятно как-то скрепленных друг с другом основаниями, что напоминало издали белые усы. На фоне коричневого безволосого лица это выглядело даже красиво.

«Усатый» вдруг крикнул что-то именно мне и глядя на меня, и я его понял.

– Дапаткан бавах 1! (Слазь!)

Малайский мы учили.

– Аку букан мусух2! (Я не враг!) – Сказал я.

Все аборигены радостно запрыгали и загалдели, а тот, что с барабаном, застучал на нем весёленький ритм, и из чащи вывалилась целая толпа дикарей. Я стыдливо прикрыл ладонями срам и сел на пальму.

– Дапаткан бавах 3! (Слазь!) – Повторил вождь.

– Аку теланжанг4! (Я голый!) – Крикнул я.

– Дан апа? Мерека терлалу5. (И что? Они тоже.)

Я посмотрел на жителей острова и увидел, что они, действительно, почти все, были голые, и мужчины, и женщины.

– Аку пунья пакаиан6. (Я имел одежду.)

– Ками пакаиан7. (Одежда наша.) Дапаткан бавах8! (Слазь!)

Я встал во весь свой рост и жители ахнули.

– Сами виноваты, – буркнул я, тщетно пытаюсь прикрыть болтающиеся причендалы, так как сам срам, естественно отреагировавший на увиденные мной женские половые признаки, прикрыть было не реально.

Сбежав и прыгнув с пальмы, я подошёл к моим спасителям.

– Ас салям алейкум9 (Мир вам), – приветствуя, сказал я.

– Уа-а-лейкум ас-салям10 (И вам мир), – удивлённо ответил вождь. – Муслим?

– Да, – ответил я.

Вождь посмотрел мне ниже живота, одобряюще цокнул, снял с себя тряпицу и набросил на меня, тем самым вызвав недовольный гомон женщин. Сам он остался в неглиже, ничуть этого не смущаясь.

– Пошли, – сказал он.

Тряпица была не первой и не второй свежести, но я, пытаюсь её не нюхать, обмотал ею свой пояс. Трое пацанят приблизились ко мне.

– Это я тебя нашёл, – сказал один из них.

Я похлопал его по плечу и отдал ему один кокос. Остальные два я подобрал и отдал его приятелям. Четвёртый орех я никак не мог найти взглядом, и, мысленно махнув рукой, пошёл следом за вождём.

Мы шли по лесу прямо на север. Привычно считая шаги, насчитал их восемьсот двадцать, когда сквозь деревья увидел хижины и море. А вышедши на открытое пространство, вдали увидел остров с высоким, характерного абриса, вулканом.

Это были точно те же острова, где мы и «работали» в восемьдесят пятом и седьмом годах, где и пропал Лис – острова Банда в Индонезии. И их я видел не только из иллюминатора, или из-под воды, но и воочию. Я обошёл их вдоль и поперёк в образе и с паспортом американского зоолога. «Надо же, как повезло», – подумалось. Но, как сюда попал сейчас, я не помнил.

Тем временем мы вошли в деревушку из двадцати, примерно, больших хижин, стоящих на высоких, около полутора метров высотой, сваях, и меня усадили под одним таким домиком.

– Пить, – сказал я, показывая большим пальцем правой руки на чуть приоткрытый рот.

Вождь протянул мне зелёный кокос, размером чуть побольше сорванных мной, и большой тесак с деревянной рукоятю. Я обрадовался и тремя сильными ударами срубил оболочку с одной стороны, потом проковырял две дырочки в том месте, где орех крепился черенком, и быстро добрался до жидкости. Сделав несколько больших глотков, я предложил напиток вождю, но тот отказался.

– Ты ведёшь себя, как мы. Ты кто?

– Человек.

– Нет. Человек, это мы, а ты кто?

– Я белый человек

– Ты – муслим. Значит не порту, а араби. Но араби не белый. Ты – белокожий. Ты кто?

– Я белый араби, – сказал я.

– Ты сильно большой для араби. Сильный. Ты больше похож на порту.

– У меня мама порту, а папа – араби.

Вождь и все окружающие восторженно заговорили вразнобой, что-то объясняя друг другу. Между собой оно говорили на другом наречии. Смысл я улавливал с трудом. Им нравилось, что мой папа араби, и удивлялись, что так можно.

– Где твой дом?

– Очень далеко.

– Там? – Спросил вождь, и показал на запад.

– Там, – показал я на север, а потом меня, как стукнуло.

Если в восьмидесятых здесь была цивилизация, а сейчас её нет, то я где? В каком времени? В прошлом, это точно, но когда? Если португальцы и арабы, то это уже не менее, чем шестнадцатый век, потому, что в семнадцатом тут уже шлялись и голландцы с англами.

Эти мысли пролетели мгновенно, и я махнул рукой на запад, а сам подумал:

– «И на каком же мне языке общаться с европейцами, если повстречаюсь? Кто я?»

Португальского я не учил. Учил английский, и немного фарси. Значит я – араби, муслим. Внешние половые признаки у меня соответствовали. Готовили к работе в исламских традициях.

– Люди порту где?

– Люди порту плохой. Там, – сказал вождь и махнул рукой на видимый остров.

– Я Пит, а ты?

– Ты Пит11? (Ты лента?) Я – Салах Сату Йанг Мемангил Хуян12 (Тот, кто зовёт дождь).

– Очень рад видеть тебя, Мемангил Хуян. У меня тоже длинное имя, но ты его не поймёшь. Ты вождь?

– Я – старший шаман. А ты?

– Я купец. Меня смыло в море.

– Купец? Я знаю всех купцов араби, что приезжают к нам. Тебя я не знаю.

– Я новый купец.

– Тут давно не было больших лодок араби. Араби боятся порту.

– Это не был корабль араби.

Шаман стал выпытывать у меня чьим кораблём был мой корабль, откуда и куда он плыл, сколько на нём было пушек. Но ничего конкретного я ему сказать не мог. У меня в голове

плавали какие-то обрывки сведений, но... Показав ему, непонятно откуда взявшуюся у меня на голове шишку, я сослался на неё, как на причину потери памяти.

Ещё оказалось, что здесь в деревне почти постоянно живут несколько китайцев, называемых местными «син», которые покупают «пала» – мускатный орех, напрямую у деревни, а не на рынке острова Нейра, потому, что: «так делали старые отцы».

Я знал историю этих мест хорошо, поэтому, чтобы определиться со столетием и с годом, спросил:

– Здоров ли Махмуд Шах 13?

– Махмуд Шах, здоров, – сказал шаман важно. – И до сих пор является нашим правителем.

– Он сейчас на Бинтане?

– Да. У него много его люди и «синцев», – гордо сказал Мемангил Хуйян. – Будет война с порту.

– «Всё понятно», – подумал я. – «Это где-то между 1511 и 1520 годом. Вот я попал!».

– Что делать будешь? – Спросил шаман.

– Мне надо на Нейру. Может там увижу свой корабль. У меня там груз, – вдруг «вспомнил» я. – Ты не мог бы вернуть мне мои вещи?

– Что ты муслим, я тебе верю, однако, прочитай пятую суру, – сказал шаман и потупил глаза. – С любого места.

– О те, которые уверовали! Аллах обязательно подвергнет вас испытанию охотничьей добычей, которую смогут достать ваши руки и копья, чтобы Аллах узнал тех, кто боится Его, не видя Его воочию. А кто преступит границы дозволенного после этого, тому будут уготованы мучительные страдания.

– Спасибо, Пита. Достаточно. Принесите его вещи, – попросил он пацанят, и те убежали к противоположному краю этой же хижины, где стояли какие-то корзины, укрытые рогожей.

Подхватив одну из корзин, мальчишки притащили её к нам, и я увидел торчащие из неё ботфорты. Резко встав от охватившего меня изумления, я едва не стукнулся головой о настил полов хижины, пригнулся и заглянул в корзину.

Действительно, там лежали сапоги, прикрытые кожаным камзолом. Я поднял его и под ним оказались синие, широкие, льняные, на ощупь, штаны и серая из «мокрого» шёлка рубашка с широкими рукавами и шёлковой же, синей верёвкой вместо пуговиц.

Пока я разглядывал «свои» вещи, подошёл второй парнишка, несший перевязь со шпагой и небольшой кожаный мешочек.

Я быстро натянул штаны и завязал на них пояс, обернув его вокруг тела и продев в петли. Накинул рубашку. Мокрый шёлк и лён приятно охладили обожжённую солнцем кожу. Сапоги я надевать не стал, а взялся за поданные мне мальчишкой ножны и перекинул их перевязь через плечо, потом подкинул пару раз на ладони кошель. Мне как-то сразу стало полегче.

– И всё? – Спросил я, глядя на шамана, чуть прищурив левый глаз.

Тот взмахнул рукой и у него на ладони, словно из воздуха, появился золотой хронометр, – швейцарские Брайтлинг из коллекции Нэвитаймер. Мой хронометр. Из той жизни. И никакого отношения к ботфортам и шпаге не имеющих.

Шаман протянул мне ладонь с часами, а потом сомкнул её и спросил.

– Что это, Пита?

– Амулет. Можно не видеть солнце и знать, что оно уже взошло.

Шаман вздрогнул.

– Ты живёшь там, где нет солнца?

– Бывает, что и нет.

Я протянул руку за часами. Шаман не очень охотно их отдал, а я расстегнул браслет и надел его на правую руку. Я вспомнил, что часы лежали в кошелье, а кошель висел у меня на

шее и был заправлен за пазуху в район левой подмышки. Что я сейчас с ним и сделал: повесил на шею через плечо, завязал ремешок и спрятал под рубашкой.

Я начинал что-то вспоминать. Я вспомнил, что корабль, действительно был реальностью, как и мой груз на нём, а именно льняное и хлопковое тонкое полотно. И я, действительно был Пит, но не араби, а вроде как – ингл, и судно у нас было голландское.

Я помнил, что наша каракка, чтобы не встречаться с португальцами в Малакке, прошла проливом мимо Джакарты и всё было прекрасно, но вдруг налетевший встречный шквал встретил нас уже на подходе к островам Банда и меня, вероятно, выбросило за борт. Этот момент в моей памяти был стёрт. Как и многое другое. Особенно, как я выгреб на остров в ботфортах.

– Мне надо в Банданейро, – сказал я. – У меня там ткани. Тонкие и красивые. Вам всем хватит. Отдам в пол цены.

Шаман блеснул белыми зубами и что-то приказал на незнакомом мне наречии. Все мужчины племени радостно, и слегка приплясывая, побежали к морю готовить каноэ.

– Есть хочешь? – Спросил шаман и что-то сорвал с бечёвки, натянутой между опорных свай хижины и передал мне.

Ответить я не успел, поэтому взял нечто и понюхал. Лучше бы я этого не делал. Я думал, что это водоросли, а это оказалась вяленая рыба. На верёвках под хижинами висели и вялились маленькие скаты-манту.

Переборов первую реакцию организма, я начал рвать зубами мясо, которое постепенно принимало вполне съедобный вкус.

Со стороны берега что-то прокричали на том же наречии.

– Непонятные слова, – сказал я. – Что это?

– Так говорят наши люди, – шаман показал на себя. – Ты говоришь, как люди Махмуд Шаха.

Понял, подумал я, не дурак. Малайский – разговорный язык общения на Индонезийском архипелаге. Язык торговли. А индонезийский потом когда-нибудь станет литературным.

– Пошли, – сказал шаман, вылезая из-под хижины и раскрывая жёлтый, порванный в нескольких местах китайский зонтик, признак его статуса правителя общины.

Уже через час пироги входили в бухту Банданейро, оказавшимся средним городком-портом, по размерам чуть меньше «того» Банданейро, где я жил почти месяц, правда наездами, делая вид, что блуждаю по джунглям и ближайшим островам. В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году.

У длинного, далеко уходящего в море, деревянного пирса стояло несколько парусников. В одном из них я «узнал» «мою» каракку «Санта Люсия» и показал на неё пальцем. Она стояла крайней, пришвартованная к пирсу третьим бортом. Шаман продублировал мой жест, и флотилия из шести пирог, срезав угол, ускорила.

Команда каракки наш манёвр не пропустила и когда наше каноэ прижались к её борту, я увидел с удивлением разглядывающего меня капитана Людвиг.

– Вы ли это, уважаемый Питер? – Спросил он, разводя руками.

– Я, господин Ван Дейк. Собственной персоной. Не ждали?

– Уже не чаяли вас видеть.

– Груз мой ещё не пропили?

– Как можно? Не прошло ещё и суток, как мы вас потеряли. Сбросить трап с правого борта! – Крикнул он матросам.

Штормтрап прикрепили и сбросили. Я поднялся на борт.

– Как вам удалось выбраться? – Спросил капитан, подавая мне руку и помогая спрыгнуть на палубу.

– Сам не знаю. Очнулся уже на берегу. На голове шишак.

– Это вас блоком. Сверху. – Капитан показал на стеньгу. – Канат лопнул.

«В касках ходить надо», – подумал я.

– Вы как раз у борта стояли. Свесившись. С Нептуном обедом делились. Тут вас и волной, и блоком... Накрыло.

– Вещи мои...

– Вещи мои... Извините... Ваши вещи у меня, – не дал договорить капитан. – карты, инструменты, всё в сохранности.

В голосе капитана послышалось чуть заметное сожаление.

– Хорошо, – облегчённо вздохнул я.

Я не понимал своего поведения. Я толком ничего не помнил, но реагировал автоматически, словно мозг думал сам по себе. Я не знал, что за карты, что за инструменты, но искренне горевал бы, если бы их потерял.

– Всё в полной сохранности, господин Диаш, – повторил капитан.

Диаш, Диаш... Что за фамилия. И ни хрена не британская, а всё-таки португальская. Получается, я Питер Диаш? Нет, получается какая-то фигня.

– Я могу их забрать, господин Ван Дейк?

– Безусловно. Пройдёте в мою каюту. Мы, кстати, скоро становимся под выгрузку. Вам надо бы быстрее сговориться с перекупщиками по вашему товару. Мы, честно говоря, весь мускат здесь уже скупили. Извините, сэр, но вас не было. Но у них ещё осталось много жемчуга и немного самородного золота. Думаю, вы окупитесь.

Пройдя на ют вслед за капитаном, я поднялся на самую верхнюю палубу и вошёл в тёмную душную каюту, воздух которой был пропитан кислыми производными винных и пивных продуктов, а также очень давно немытого мужского тела.

Вещей у меня было аж три сундука и два джутовых мешка.

– Мои документы? – Спросил я.

Капитан приподнял крышку одного из ящичков. Я, не вынимая их, пролистнул, потом взял, лежащий сверху замок и вставил его в петли, провернув ключ. Потом повторил эту процедуру с оставшимися двумя сундуками. Тем временем капитан крикнул матросов и приказал им снести мои сундуки палубой ниже в мою каюту, каюту штурмана.

На этом корабле я, оказывается, был штурманом, назначенным английским королём Генрихом Восьмым. Это я успел прочитать в удостоверении моих полномочий. И звали меня Педро Антониу Диаш. Я был вторым сыном португальского мореплавателя Бартоломеу Диаша, вспомнилось мне, который первым обошел Африку с юга. Пропавшим без вести в тысяча пятисотом году у берегов Бразилии. Оказывается, я всё же ингл, хотя и португалец. И корабль был английским. Вернее, под английским флагом.

– «А где же мой португальский язык»? – Подумал я, не чувствуя себя его обладателем.

– «Сам себе не принадлежу», – подумал я, морщась, и почесав шишку на затылке, заглянул в мешки.

В мешках лежали: пистолеты кремневые – два штуки, мешки с порохом и пулями, пара ножей, кольчужные перчатки, кираса и шлем. Мешки тоже были перенесены матросами в каюту ниже палубой.

– Выпьете, дон Педро?

– А что у вас есть? Что-то ещё разве осталось? Из приличного?

– Здесь есть местный спиритус. Весьма себе... Они его как лекарство употребляют. Только вода здесь... солоноватая. Но, в общем, получается прилично. На мой вкус.

Капитан вынул из сундука глиняную, примерно двухлитровую, бутылку и плеснул из него мутной жидкости в стоящий на столе серебряный кубок. Понюхав содержимое, я прикинул, что там не больше двадцати единиц алкоголя, но пахло оно, откровенно говоря, мерзко. Меня передёрнуло. Я, сделав вид, что отхлёбываю, оставил кубок.

– Устал сильно, капитан. Пойду чуть поправлю спину.

– А торговля?

– Куда она денется? Устал. Спасибо. Если засну, толкните!

Я вышел на палубу и подошёл к борту.

– Сейчас они переместят корабль, – сказал я шаману. – Вы пока отгребите и займитесь своими делами.

– У нас на рынке своё место есть. Можно там твой товар продать.

– Да, я думаю, он и с борта уйдёт. Зачем его таскать туда-сюда?

– У тебя много ткани?

– Тебе хватит. А что?

– Если тонкая, я бы всю купил. А то, порту плохую ткань привезли. Араби тонкую возили.

– А чем заплатишь? – Спросил я тихо.

– Перл, мускат, жёлтый камень «голд».

– Я тебе всё продам, но только по нормальной цене. Ткань дорогая. Мою рубаху и штаны видишь? Такая же, только красивая. С цветами. Я пойду делами займусь, а ты отгребви пока.

Я пошёл в свою каюту и прилёг на короткий узкий лежак. Кювета была узкой, в одно окно. Кроме кровати в ней стоял стол с табуретом и рундук для сундуков, которые уже были в нём установлены и даже принайтованы¹⁴. Чтобы прилечь мне пришлось убрать с кровати три длинные доски, стоявшие наискось, уперевшись в переборки.

Я вспомнил, что на короткой лежанке не спал, так как слишком был длин, а спал на положенных поперёк на кровать досках, другой край которых опирал на табурет. Но, сейчас, свернувшись «калачиком» на короткой постели, я вдруг провалился в тревожный сон.

– Дон Педро, – услышал я голос капитана.

Глава 2.

Расторговались мы с шаманом быстро и расстались почти друзьями. Капитан удивился, когда мой груз ушёл прямо с борта, а на его место, в те же ящики, где лежали ткани, перекочевали пятифунтовые мешки с мускатным орехом, жемчугом и золотыми самородками.

Сам капитан и двое английских купцов с шерстяной тканью прогадали, зато хорошо продали рис, чуть выше номинала, и посему все были довольны. На самом деле, даже если каждый из них привезёт по мешку мускатного ореха затраты окупятся десятикратно.

Каракка, взяв груз пряностей, золота и жемчуга, отошла от причала и встала в бухте на якорь. Отход назначили на утро следующего дня.

Пассажиры и экипаж «Санта Люсии» остались на берегу, присоединившись к экипажам «синцев» и «араби». Оказалось, что аборигенки не чурались плотских утех, были веселы и естественны и это нравилось пришельцам. Те, аборигены, кто не участвовал в «оргиях», с удовольствием пели и танцевали.

Я решил посвятить время изучению «своих» вещей и размышлениям о свалившемся на меня бремени, и сообщил капитану, что с удовольствием останусь на борту. Тот с радостью покинул корабль, бросив его на моё попечение. Его ялик так вспенил воду, отчалив от борта, что я услышал, как вахтенный марсовый зарыдал. Кроме меня и марсового на борту остались ещё двое матросов.

Перво-наперво я обошёл небольшое судёнышко, взбодрив ютового и бакового оплеухами. Рыдающему марсовому хватило показанного с палубы кулака. Матрос рыдал шутейно и мне ответил весёлым и пьяным гоголом.

– «Вот паразит!», – подумал я, – «Он точно выкупил у кого-то три вахты за добрую порцию рома. Но не лезть же по вантам в его гнездо».

Я не был уверен, что вообще смогу залезть по верёвкам на высоту пятого этажа. А эта сволоочь может и столкнуть, если попытаться устроить с ним сражение за выпивку.

Полюбовавшись стоящими на рейде парусниками я ушёл в «свою» каюту и открыл сундуки.

Верхний был наполнен носильными вещами: парадным камзолом со штанами, нательными шёлковыми рубашками, носовыми платками, чулками, двумя парами туфель, тряпичными и кожаными перчатками. Сверху лежали две фетровые шляпы, вставленные одна в другую. Рядом лежал футляр с перьями для них. Во мне проснулся «зоолог-орнитолог» двадцатого века и, поковырявшись в приобретенных когда-то наскоро знаниях, я признал в двух перьях петушиные, в одном – страусиное. Сюда же отправились перья райских птиц, подаренные мне шаманом.

Второй сундук был под завязку заполнен довольно подробными мореходными картами больших и малых размеров. Некоторые карты были старыми. Одна карта с новыми пометками пройденного нами маршрута, с обозначенными на ней встреченными островами и мысами. На мой взгляд, карта была очень далека от действительности.

Особенно меня поразило размер острова Мадагаскар, нарисованный очень уверенно. Он был чуть меньше Индии. Разглядывая карты, я понял, что это наследство «моего» отца. Папа Бартоломеу зашел, вероятно, много дальше мыса Доброй Надежды, отмеченного в его официальном отчёте, и только потому, что у него с собой не было золота, он не смог закупиться товаром в Индии. А может и закупился, да никто об этом не знает. С чего-то же моя семья «поднялась». Ведь не на королевских же подачках?!

В третьем сундуке в индивидуальных ящичках лежали навигационные приборы: астролябия, секстант, подзорная труба, на которой было выгравировано: «Леонардо да Винчи. MDIX.». То есть – тысяча пятьсот девятый год.

Я смотрел на эти чудеса «науки и техники» и понимал, что ими придётся пользоваться. И я даже понимал, и знал, как. Причём, я понимал, что сюда, в Индонезию, Педро Диаш шел с одними знаниями, а сейчас я совсем другой. К тому же у меня появился морской хронометр с логарифмической линейкой, коего до сих пор не было, и который я знал, как применить для штурманского дела.

Хотя стой! Почему у меня имеется стойкое ощущение, что хронометр у меня был, только он всё время пролежал у меня в кошельке. Не понятно. Хронометр-то очень даже современный. То есть сильно современный. Из двадцать первого века, между прочим. Однако, поломав немного голову, и поняв, что разум бессилён, я оставил тему хронометра для подковки.

Ещё было светло, и я вышел на палубу проверить «дальнозоркость» подзорной трубы, или, скорее всего, маленького телескопа, потому, что прибор был тяжёл и имел сборную треногу.

Как оказалось, труба выдавала перевёрнутое, примерно двадцатикратное, изображение, что было очень непривычно и не очень удобно.

Я посмотрел на берег, потом на корабли у причала, потом на корабли на рейде. На одном паруснике явно готовились к отплытию: разносили такелаж, расчехляли паруса. Мне показалось это странным. Уходить в ночь, по-моему, было неразумным. Хотя... Что я знал о здешних порядках? Парусник был португальский и здесь они пытались хозяйничать, навязывая сферу услуг, типа «охрану от себя». Они и нашему капитану, встретив на берегу, предлагали сопровождение и защиту от пиратов.

Я увидел, как от их борта отчалила парусная шлюпка, которая направилась в нашу сторону.

– Вахта! Смотреть в оба! Слева по борту шлюп.

– Вижу слева, сэр! – Крикнул со стены вахтенный.

В трубу я увидел с десяток хорошо вооружённых матросов и офицера. Шлюп сблизился.

– Могу я поговорить с вахтенным офицером?! – Крикнул командир.

– Слушаю вас! – Ответил я.

– Мы досмотровая команда португальской королевской администрации порта Банданейро. Нам поступила информация, что на вашем судне скрывается очень опасный государственный преступник. Мы вынуждены осмотреть судно.

– Вы шутите, сэр? Это исключено. И о какой португальской администрации вы говорите, когда этот город – порт свободной торговли. Портофранко!

– Извините, сэр. У нас предписание и десятеро вооружённых матросов. Не рекомендую противиться. Иначе мы применим силу.

– Это противоречит морскому кодексу, сэр, и мы вынуждены будем защищать территорию Англии от вражеского вторжения.

Говоря это, я чуть выглядывал из-за большого деревянного блока, потому что видел направленные на меня стволы ружей.

– К бою! – Крикнул я, и тут грянул выстрел десяти стволов.

На фор-стенге вскрикнул вперёдсмотрящий. Ютовый и баковый вахтенные ответили почти сдвоенным выстрелом, а я, высунув поочередно руки с пистолетами, разрядил их в сторону нападавших и, судя по вскрикам на шлюпе, ни вахтенные, ни я не промазали.

Быстро выглянув из-за другого блока, я отметил, что примерно пятеро нападающих подняли заряженные мушкеты, а остальные намереваются нас штурмовать.

Увидев меня, мушкетёры повернули стволы в мою сторону и выстрелили, но я уже спрятался за фальшбортом, брякнувшись на палубу и откатившись, предварительно издав громкий, хорошо слышимый за бортом стон.

– Вперёд! – Скомандовал командир пиратов, и за борт зацепились две «кошки».

Перебирая руками и ногами «крокодильчиком», я переполз под кошки и уселся перед ними на корточках, чтобы раньше времени не «засветиться». Когда появился первый абордажник, я ткнул его снизу вверх шпагой, и он свалился обратно в шлюп, вероятно кого-то собой придавив.

Второго абордажника я встретил не стесняясь, встав в полный рост. И, так как его руки были заняты верёвкой, я легко пронзил его горло шпагой, провернув её для пушей надёжности.

– Заряжай! – Крикнул я. – Огонь по готовности.

Тут же раздался выстрел с носа. И следом вскрик от воды.

Я отошёл от борта, отбежал в сторону кормы и выглянул за борт. Шлюп пытался отчалить, но ветром его прижимало к нашему кораблю. Нападающих осталось пятеро, офицера среди них не было.

Я сунул шпагу в ножны, достал второй кинжал, разбежался, оттолкнулся от кнехта потом от фальшборта и прыгнул за борт.

Свалившись на голову кого-то из нападающих, я зацепился за него остриями обеих клинков и встал в шлюпке. Я стоял в центре небольшой группы оставшихся в живых.

– Не стрелять! – крикнул я.

Заколов и сбросив убитого в море, я зацепил кинжалом второго. Он заверещал, отшатнулся и вывалился за борт. Все нападающие были в добротных кожаных камзолах, несмотря на жару. Третьего я зацепил за камзол остриём правого кинжала и потянул к себе. В руках у него имелась сабля, и он попытался ею махнуть, но споткнулся ногами о труп и упал на меня. Направив остриё в его сторону, я воткнул свой кинжал ему прямо в сердце.

Столкнув в воду очередное тело, я шагнул к следующему, но он прыгнул за борт шлюпа сам и сразу пошёл ко дну. Плавать моряки не умели. Это считалось плохой приметой.

– «Стоит ли верить приметам», – подумал я, и развернулся.

Оставшиеся двое бросили свои кинжалы за борт и вытянули руки перед собой. Я не дал им возможности предъявить мне претензии в суде и взятой из рук вражеского офицера шпагой заколол обоих.

Дорезав раненых, я быстро поднялся на борт, поджёг от дежурного фонаря фитиль и выстрелил из носовой пушки. Посмотрев на запад, я не увидел солнца. Густо алел закат. Осталось минут двадцать до чёрной топической ночи.

– Вахтенные ко мне! – Крикнул я.

Оба живых матроса подбежали.

– К пушкам! – Приказал я. – Зарядить все! Первые на левом борту.

Пушек на караке было восемь на каждом борту и две курсовые. Все они располагались на верхней палубе, то есть тут, рядом. Я помог зарядить их и мы стали ждать.

Вдруг меня кто-то тронул за плечо. Я сделав нырок под руку противника, развернулся и увидел шамана, а за ним его соплеменников.

– Ты как здесь оказался? – Спросил я.

– Стреляли, – ответил он.

* * *

Когда к нам на дистанцию выстрела подошла каракка португальцев, мы встретили её залпом восьми орудий, которые, почти не причинили ей вреда. Но когда они пошли на абордаж, то были встречены мощными залпами отравленных дротиков.

А когда наш пьяный экипаж, встревоженный нашей пальбой, прибыл на судно, аборигены уже вернулись на берег, а рядом с нашим бортом качалась на волнах «обезвреженная» португальская каракка.

– Как же вы так? – Сетовал капитан Ван Дейк. – Что же нам сейчас делать? Ведь все подумают, что это мы напали на португальцев.

– Кто это – все? Арабы, чинцы и джапы? Здесь больше никого из европейцев нет. Мы – единственные. Но я, всё же, предлагаю поджечь их корабль и взорвать. Как будто они сами передрались. Давайте отойдём в сторону и встанем на якорь. Дальше всё по плану. С рассветом снимаемся. Их казну я уже переташил. Товара у них нет. Я проверил. Пираты, сэр.

– Кто? – Переспросил капитан.

– Это по-гречески. Грабители, сэр. Приватеры.

– И где их казна? – Заинтересованно спросил капитан.

– У меня в каюте. Делим пополам. Все остальные трофеи мои.

Там же у меня в каюте находились и все кошельки нападавших. Всех, кто не свалился за борт. А их было пятьдесят восемь человек. Вместе с тремя офицерами. Примерно половина нападавших утонула. Судя по всему, это было два, а то и три экипажа и им позарез нужно было захватить наше судно.

Расправив все паруса, наш корабль с рассветом лёг по ветру на курс зюйд-вест, а через два часа хода, когда острова скрылись за горизонтом, и маячила только вершина вулкана, мы резко повернули на запад.

* * *

На следующий день ближе к полудню я с секстантом разместился на ютовой палубе возле сколоченного из досок «штурманского» стола. На столе лежал секстант. Ближе к правому борту в кресле сидел капитан. Форвинд15 уверенно наполнял паруса.

– Что вы собрались делать, дон Педро? Широта нам абсолютно не нужна. Нам нужна вода. Катастрофически. Мы уже вскрыли неприкосновенный запас. Зачем надо было идти на запад. У нас нет ни карт этих мест, ни воды.

– Главное, чтобы наши матросы не забывали считать пройденные нами узлы. А воду я вам найду.

– Где? – Саркастически спросил Людвиг. – Здесь? – Спросил он, и развёл руками, показывая на безбрежный воды.

– Именно, – сказал я, ловя секстантом солнце и ожидая точку кульминации. Дождавшись, я отсёк время на часах, записал цифры на манжете камзола, снова запустил часы и отметил угол склонения. Заложив на логарифмической линейке имеющиеся у меня данные, я получил искомую долготу: сто двадцать восемь градусов двадцать девять минут, и пройденное нами расстояние.

По моим расчетам получалось, что поворачивать на норд нам нужно было часов в пятнадцать завтрашнего дня, если скорость будет прежней. Я помнил, что расстояние от островов Банда до острова Буру, с прекрасными питьевыми источниками, чуть больше двухсот миль по прямой.

– И что это вы, дон Педро делаете? Позвольте узнать.

– Считаю долготу, сэр Людвиг.

– Что? Долготу? Интересно! Весь путь сюда вы не считали долготу, а теперь считаете. И по какому методу, извольте спросить?

– По хронометру.

– Слышал про такое чудо механики, но ни разу не видел. Откуда же он у вас взялся, уважаемый дон?

– Купил у местного шамана, а тот снял с умершего в их деревне синца.

Я показал руку с часами.

– Золото?

Капитан долго рассматривал стрелки, браслет, сапфировый кристалл стекла.

– Вы можете дать их мне? Разглядеть ближе?

– Увольте, сэр. Вокруг море, птицы. Я не хочу их потерять.

Капитан посмотрел на меня и нервно рассмеялся.

– Вам отрежут руку. Живому или мёртвому. Я слышал, что даже те ручные хронометры, которые делает в Нюрнберге какой-то германец, стоят баснословно дорого, а они сильно отличаются от ваших. Я видел их.

– Нам с вами скорее всего отрежут не только руку, но и голову, если мы не найдём безопасный путь в Лиссабон. Мы с вами остались одни из пяти судов нашей экспедиции. А сейчас нам надо найти воду и не попасться в руки пиратов.

* * *

На следующий день я, сделав замеры и расчёты, убедился в их точности. Мы приближались к точке манёвра по графику и в пятнадцать часов я скомандовал:

– Держать норд на румбе!

– Вы уверены? – Спросил капитан.

– Абсолютно.

– Мы не уплывём к «тера иногнита»¹⁶?

– С «тера инкогнита» сейчас у нас проще. У тех же синцев я высмотрел карту этих мест.

Я достал из сундука древнюю карту и, перевернув её обратной, чистой стороной, разложил на «штурманском» столе.

Этот район я знал в своё время очень хорошо, так как работал в нём не один год. И под водой, и на воде, и на земле, и помнил все острова с закрытыми глазами. Поэтому набросал карту района легко. Без подробной береговой линии, естественно, но с указанием рек, углов и расстояний.

Мы тогда тоже нуждались в пресной воде и скрытых от глаз временных убежищах и перемещались чаще всего на длинных «аборигенских» лодках, не имевших современных навигационных приборов. И по их, кстати, картам, сильно отличавшимся от «обычных». А уж управляться с простейшим навигационным оборудованием у нас умел каждый. Да и не было в двадцатом веке спутникового позиционирования. А транспортер, линейка и отвес имелся у каждого пловца в боевом планшете.

Глянув на карту, капитан Людвиг напрягся.

– Вы это подглядели у синцев? Это невозможно запомнить.

– На самом деле, там гораздо больше было нарисовано, но нам эти подробности ни к чему. Тут тысячи островов. Сейчас мы находимся здесь и идём вот сюда. Даже если мы не попадём в эту точку, рек на том острове по берегу достаточно.

Капитан мотнул головой, словно лошадь, ужаленная слепнем, и с плохо скрываемым сожалением посмотрел на меня.

– Да... Вы становитесь не балластом, а ценным грузом.

Я с интересом посмотрел на него, подспудно понимая и вспоминая, что он и ранее тяготился мной, и, вероятно, моё падение за борт было не совсем случайным. Чем-то я ему мешал. А может быть, он возжелал разжиться за мой счёт навигационными картами, и моим имуществом?

– Я понимаю, сэр, что меня вам навязали, – сказал я, – в память моего героического батюшки... И мы с вами это уже обсуждали. И даже едва, как-то, не скрестили шпаги. Я готов на любое развитие событий. Вы уже смели убедиться в моей решительности. Но вы уже так же смогли убедиться, что я не претендую на лидерство и не вмешиваюсь в командование кораблём.

– В вашей смелости и решительности я не сомневался, дон Педро. Я уже говорил вам, что мне просто не нравится ваш орденский статус согладатая.

– Ваш голландский гонор настроен только против ордена Христа, или вообще против всех рыцарей? Вы так и не ответили мне на этот прямой вопрос.

– Я и сейчас предпочту промолчать, – усмехнулся капитан.

– Перенесём наш спор до момента прибытия в родные пенаты. А там я к вашим услугам.

У меня к Людвигу не было ничего личного, и я бы, Пётр Иванович Сорокин, пропустил бы его колкости, как говорится, мимо ушей, но «понятия» шестнадцатого века о чести и достоинстве обязывали.

У него голландский гонор, а у меня «португальская» дворянская честь. И эта честь во мне играла бурно. Я был готов прямо сейчас вспороть его горло кинжалом и едва сдерживался. Тяжёлый мне достался в наследство характер от Педро Диаша.

Глава 3.

Собрав инструменты и карты, я отправил их с матросом в каюту, а сам спустился на шкафут 17 и опёршись на фальшборт простоял так, задумавшись, около получаса.

Я размышлял на тему: «Как жить дальше?».

Я смутно помнил своё прошлое. Как прошлое Педро, так и моё прошлое. И если прошлое Педро проявлялось по мере обращения к нему, то моё прошлое, дальше Юго-Восточной Азии не просматривалось. И то... События не помнились. В памяти остались только навыки и опыт.

Проверив свои ощущения, я не почувствовал дискомфорта. Внутри меня всё пело и плясало. Главное – удалось посчитать долготу. Гнев мой на капитана угасал. Мстительных мыслей не наблюдалось. Это означало, что контролирую это тело я, Пётр Сорокин, бывший подполковник ВМФ СССР в девяносто первом году ушедший на короткую пенсию, но неплохо «поднявшийся» на перепродажах японских автомашин.

Бандитов мы с друзьями не боялись, как не боялись и зачищать опасных конкурентов. Однако до двухтысячных из нашей «бригады» дожили не многие.

Я прошёл к баку, подныривая под парусами, и поднялся на бушприт 18. Здесь было тихо. Если на корме порывы ветра присутствовали, то здесь, за рядами огромных парусов, при форвинде, было безветренно.

Направление ветра, как по заказу, сменилось почти на норд. Это сейчас было нам на руку, но я помнил, что резкая смена ветра на южный в этом регионе часто приносили шторма и ливни, а иногда и говорила о приближении смерча.

– «Закручивает воздушные массы в спираль с центром, где-то возле островов Банда», – подумал я.

До острова Буру нам осталось, при таком ходе, тридцать часов с минутами. Я попросил капитана не ложиться в дрейф ночью, что делали все мореходы, опасаясь посадки на мель. Я же в этих местах был уверен процентов на девяносто. Глубины в море Банда были до семи километров. Рифы редки.

Привыкнувшись к леерам, чтобы меня снова не сбило в море «случайным» тяжёлым предметом, я простоял на бушприте около часа, любясь резвящимися дельфинами и летучими рыбами.

Но, если первые, были абсолютно безвредными существами, то от местных летучих рыб можно было ожидать пакости в виде втыкания их острой головы в тело. Раньше я думал, что они выпрыгивают, чтобы спастись от хищников, а потом узнал, что так они сами охотятся, втыкаясь при падении в добычу своей головой, как наконечником гарпуна.

Вспомнилось, что кому-то из наших пловцов такая рыба воткнулась в лицо. Последствия потом были очень тяжёлыми.

А следующий день я снова сделал замеры и расчеты. Мы приближались к Буру.

– Прикажете смотреть землю, капитан, – попросил я, и, почти сразу, вперёдсмотрящий прокричал:

– Земля справа по курсу!

Я удивился.

– Странно. Это, наверное, Амбелау. Там тоже есть вода и неплохая бухта. Шторм надвигается, – сказал я, показывая на темнеющий восток.

Ветер, пару часов как, поменялся на западный, и нас, вероятно, снесло вправо. Сейчас вырывать против ветра в сторону расчётной точки смысла не было.

– Право на борт! – Скомандовал капитан. – Курс на землю. Смотреть мели, взять рифы на гроте в четверть, на фокке убрать паруса. Убрать бом-браны и браны!

Матросы полезли по вантам и реям, дружно подтягивая и рифя паруса под шутки и прибаутки. Ожидался берег, а он для моряка слаще сахара и желанней Эдема, даже если вышли из порта трое суток как.

– Вижу слева мыс! – Крикнули из «гнезда». – Вижу бухту прямо по курсу!

– Оставить два рифа! Идём на бизани! Смотрим мель! Лот за борт!

Капитан стрелял чёткими командами, как из автомата короткими очередями. Та-та-та-та! Та-та-та! Та-та!

– Вижу дно! – Крикнул кто-то.

– На лоте двадцать! – Крикнул лотовый матрос.

– Бурун справа сто ярдов!

– Так держать!

– На лоте двадцать пять!

Капитан уже стоял на бушприте и командовал оттуда.

– На румпеле пять румбов лево.

Берега с левого и правого бортов сближались и охватывали парусник. Слева и справа виднелись буруны волн прибоя, но вход в бухту был чист.

– Рифим всё! Правый якорь майна! Шлюпки за борт!

Правый якорь скользнул из клюза и лёг на дно. Парусник развернуло и поставило носом против ветра и шлюпки на шлюпбалках вывесили по обоим бортам. Ветер крепчал.

Шлюпки спустили на воду, и они, подхватив буксировочные канаты, потащили каракку за мыс, в сторону устья реки, одновременно промеряя глубину.

* * *

Штормило трое суток, но моряки не расстраивались. На острове оказалось много диких свиней, фруктов и хорошая пресная вода. Жителей по близости не оказалось, хотя остатки жилищ с относительно свежими пепелищами наблюдались. Я трое суток проводил измерения долготы. Точность метода подтверждалась.

Переждав шторм и нагрузившись фруктами, мы снова вышли в море. Я забил свою каюту лимонами. Из бухты выходили с помощью шлюпок. Ветер оставался встречным.

Я попросил капитана повернуть направо к острову Буру, что мы и сделали. Верхушки гор острова мы увидели через четыре часа. Убедившись в правильности моих расчетов нашего местоположения, мы взяли курс на восток-юго-восток. На остров Бутон. Там, по моему предположению, риск встретить португальцев был минимальный.

В моей памяти вдруг прояснилось, и я «вспомнил», как мы «выруливали», пытаюсь найти острова Банда. На «моих» картах был помечен мыс острова Реонг, от которого надо было следовать курсом строго на норд-ост триста сорок шесть миль.

С первого раза в нужную точку мы не попали, и блуждали туда-сюда двое суток, пока не вышли к длинному острову, оказавшемуся, по широте, островом Серам. Если попасть сразу не получалось, значилось в моих записях, то от острова Серам, широта его указывалась, надо идти семьдесят семь миль на зюйд. Мы пошли, и снова промазали. Потом попали в шторм и меня выбросили за борт. Как корабль попал в нужное место, спросить капитана я постеснялся.

И вот сейчас, после своего катастрофического фиаско, я уверенно указываю капитану точный курс. Что самое главное, – уверенно. Даже, можно сказать, самоуверенно. Но, так как с первым островом я почти попал, то капитан позволил себе послушать меня ещё раз. В расчетах маршрута к острову Буру я не учёл поправку на боковой ветер, и слегка промазал, но по здешним меркам, десять миль – это почти в «яблочко».

Сейчас на свой «выпуклый» я высчитал скорость ветра, вспомнил из жизни донна Педро поправку на боковой снос данного типа судов при разных углах атаки, разложил всё на углы, взял синусы и косинусы на своей логарифмической линейке, и сказал капитану, что ожидать

землю стоит на трети сутки пути до полудня. Крик с грот-стакселя раздался в десять сорок две ровно на трети сутки. Капитан протянул мне руку.

– Прошу принять мои извинения, дон Педро, за мои уничижительные слова, кои я позволял себе в отношении вас, но, – добавил он, увидев мою гримасу, – это не освобождает меня от необходимости предоставления вам сатисфакции, если её вы потребуете.

Я руку пожал, но ничего ему не ответил. Он протянул, я пожал. Ни к чему не обязывающие жесты.

* * *

Бухту «Дуаха бэй» возле острова Бутунг я знал хорошо и просто показал пальцем, куда следует идти. Там находилась изумительная маленькая лагуна, образовавшаяся в устье чистой-шей реки. Закрытая со всех сторон, бухта Дуаха защищала от сильных ветров и мы вошли в неё вместе с дневным бризом на очень малом ходу. Однако там нас ожидал неприятный сюрприз.

Слева в лагуну впадала не очень широкая река. В устье реки на её левом берегу стоял большой корабль. Прямо возле крутого берега. Там же на берегу располагалась небольшая деревушка хижин в двадцать.

В корабле я узнал китайскую джонку.

– Синцы, – сказал я. – Джонка. Почти двести футов. Скорее всего двадцать пушек.

– Откуда вы знаете?

– По такелажу, косым реям, отсутствию бушприта, удлинённой кормовой надстройке и наличию на ней парных мачт бизаней по обоим бортам.

– И что делать? Уходить, не поздоровавшись, неприлично, – странно усмехнувшись произнёс капитан.

– Сомневаюсь, что они здесь одни, – сказал я. – Скорее всего в соседних бухтах, в посёлках, сидят ещё синцы с кораблями. И у них очень эффективные средства оповещения, я вам скажу, капитан. Желательно бы нам уйти, пока не поздно.

– Трусите, дон Педро?

– Там на берегу, – я махнул рукой на право. – Естественный выход чёрной вулканической смолы. Они здесь, скорее всего, смолят свои корабли. При отливе корабль ложится вон там на банку 19, что позволяет заняться починкой и просмолкой его днища. Гудрон тут прекрасный.

– Откуда вы это знаете?

– Собирал информацию, – сказал я, и совсем не соврал.

Личина американского зоолога-исследователя и эколога позволяла расспрашивать людей и административные власти обо всём. И в двадцатом веке здесь продолжали смолить деревянные парусники, коих в регионе были тысячи, и, соответственно, загрязнять экологию. Но я никак не рассчитывал, что и в шестнадцатом веке этот бизнес будет востребован. Я забыл о предприимчивости китайцев и их количестве.

Практически вся седьмая экспедиция Чжэнь Хэ20 осталась в Сингапуре, а потом ползлась по Индонезийскому архипелагу. Как и все предыдущие, в прочем. Поднебесная Империя тихой экспансией на долгие столетия вперёд обеспечила себя в этом регионе агентами влияния, доминировавшими в торговле. А значит и в сборе информации.

– Грех не воспользоваться неожиданностью и беспомощностью противника и не забрать груз.

– Корабль пустой. Он висит на канате. Его приготовили к спуску по течению во-о-он на ту баночку. Как вода поднимется. Полагаю, что пушки с него сняты и сейчас смотрят прямо на нас с правого берега реки, капитан. Не подходите к ним ближе кабельтова.

– Майна якорь! Шлюпки на воду! – Крикнул капитан. – Вы очень убедительны и рассудительны, дон Педро. Я продолжаю вам удивляться.

Парусник, зацепившись якорем за дно, повис на якорь-тросе.

– Но я бы всё же убрался отсюда, – пробормотал я.

– Вот ещё! Чтобы я бегал от жёлтых обезьян.

– Зря вы так, – сказал я, но учить вежливости и политкорректности «сэра» посчитал бессмысленным.

Со стороны правого берега реки грохнул пушечный выстрел. Я машинально упал на палубу, но удара не последовало, зато в небе расцвёл красный цветок.

– Что это? – Спросил капитан, брезгливо глядя на меня.

– То, о чём я вас предупреждал, сэр Людвиг. Сигнал. Сейчас они закроют нам выход и всё, мы приплыли.

Капитан отмахнулся.

– Развернуть правый борт к выходу. Зарядить пушки.

Шлюпки заработали вёслами и потянули кормовой якорный трос к устью, разворачивая судно левым бортом к течению. Видя, что они не справляются с задачей, капитан крикнул:

– Майна кормовой и набиваем! Травим носовой!

Парусник развернуло течением и оно встало так, как хотел капитан.

К тому времени во входе в бухту появился парусник с необычными трапециевидными парусами. По форме он напоминал, стоящий в бухте.

Вероятно, увидев направленные на него жерла пушек, парусник вильнул право на борт и скрылся за мысом. Мы стояли, перегородив вход и надёжно защищаясь от атаки с моря. Но мы были в западне.

– Они перетащат пушки на берег и расстреляют нас со всех сторон, – сказал я. – Им торопиться не куда.

– Там поглядим, – зло буркнул капитан.

Китайская джонка крутнулась ещё раз перед выходом из бухточки и встала на якоря бортом к выходу, тоже демонстрируя нам свои пушки.

– Пока при своих, – сказал я и пошёл в каюту, обдумывать нашу судьбу.

Придавив спину и закинув руки за голову, я лежал и смотрел на раскачивающиеся в сетках фрукты. План созрел быстро. Время ещё оставалось. На палубе было тихо. Я задремал.

* * *

– Вставайте, граф, нас ждут великие дела, – сказал я, расталкивая капитана.

– Кто граф? Я граф? – Ничего не понимая спросил он.

– Шутка. Темнеет. Скоро синцы организуют вылазку. Надо усилить вахту и лучше осветить борта.

– Смолы совсем мало.

– Отобьёмся, смолы будет много, а не отобьёмся смолой нам зальют глотки... Поторапливайтесь, капитан.

– Понятно. Не проснулся ещё.

– Просыпайтесь, капитан. А я сплаваю в море.

– Куда? Сплаваю? На чём?

– К нашим... Э-э-э... Охранникам. Сплаваю... Вплавь.

– Без шлюпки? – Удивился Людвиг.

Я забыл, что они тут все поголовно не умеют и не хотят учиться плавать. Примета, говорят, плохая. Почему и удивился капитан, увидев меня живым в порту Банданейро и поняв, что я как-то выплыл сам.

– Я обвяжусь кожаными мешками для воды, надутыми воздухом. Не думайте про меня. Я попытаюсь пробраться на джонку и поджечь её. Как только она польхнёт, а паруса там из пальмовых листьев, бросайте носовой якорь не вирая. Ложитесь носом на выход, рубите кормовой и с отливом выскакивайте из бухты. С кормы отдайте лить подлиннее. Если смогу, зацеплюсь. А вы уходите на зюйд-вест на сорок миль, а потом строго на зюйд сто семьдесят миль. Там чуть дальше на зюйд большие острова, вам уже знакомые. Мой товар передадите семье.

– Вы так легко об этом говорите. Вы жертвуете собой? Ради чего?

– Думаю, вам этого не понять, – сказал я задумчиво. – Главное, не жалейте якоря и канаты, и не делайте никаких манёвров до моего сигнала. И хорошо осветите судно сейчас, чтобы они вас видели, но, как только тронетесь, все факела в воду. Света вам будет предостаточно. Я обеспечу. А вас они не должны увидеть. Да... Не сильно отклоняйтесь от горящей джонки вправо, там мель. И будьте готовы встретиться ещё с одним китайцем. А то и с тремя.

О коварстве синцев и искусстве ведения войны я знал много, и полагал, что шансов вырваться у «Санта Люсии» не было. От слова «совсем».

Я вышел на палубу в своих синих льняных штанах и синей рубахе. Вокруг тела я обмотал джутовую верёвку. Рукава и штанины тоже прихватил, чтобы не «парусили» в воде. Обмотал пеньковой верёвкой предплечья и голени. Это добавило мне плавучести и брони.

– «Как в компьютерной игре», – подумал я, спускаясь с борта по штурмтрапу.

Мой опыт диверсий в моём мире был не игрой, а простой работой, а тут... Шестнадцатый век, пираты, парусники. Ещё красавиц не хватает, которых надо спасать, и драконов. «Анриал», короче.

Скользнув в воду я поплыл по течению на выход из бухты. Силуэт джонки хорошо просматривался от воды на фоне экваториального звёздного неба. Луна, сволочь, стояла высоко, и сзади меня.

Ещё при свете дня я хорошо разглядел в трубу Леонардо своеобразную конструкцию посуды. Её баллер руля стоял в решётчатом «слипе», подвешенный на канатах. Вот через него я и собирался проникнуть на вражеский корабль.

Меня вынесло аккуратно под борт и мне осталось лишь, перебирая руками, подтянуть себя к корме. Я попытался подняться по перу руля, но с меня потекла вода, впитавшаяся в пеньку, которая хоть и была мной промаслена, но гигроскопичность потеряла не до конца.

Мысленно выругавшись, я стал ждать пока вода стечёт, медленно выкарабкиваясь наверх и направляя стекающие с меня струи по деревянным конструкциям. Отливное течение, обтекающая корпус, тоже издавало похожие звуки, типа журчания, поэтому я был не единственным их источником.

Я легко выбрался на корму, на которой не было надстройки. Кораблик был меньше первого и был намного хуже вооружен. Возле кормовой пушки дремал часовой, который даже не заметил, что его убили.

Спустив аккуратно его тело за борт, я ощупал паруса. Пальмовый лист был сух. Я взял маленький масляный светильник, стоявший на палубе, и поднёс к парусу. Толстый, пятисантиметровый слой легко занялся, и огонь сначала ушёл внутрь, как в сигару, а потом весь парус вспыхнул, как порох. Тоже случилось и со вторым кормовым парусом.

Я скользнул в воду, посмотрел на бухту, и огней каракки не увидел. На джонке послышался китайский ор. Заметив тень медленно проходившей мимо каракки, я замахал руками. Пеньковые канаты, обмотанные вокруг моего тела, плавучесть добавили, но резвости поубавили, и я с трудом успел ухватить проплывавший мимо меня линь, к концу которого капитан догадался прицепить пробковый поплавок.

Я значительно затормозил движение парусника и едва не упустил, скользнувший из рук, конец. Создавая бурун, я приспособливал тело к буксировке, когда справа раздался пушечный залп.

Ядра ударили по «Люсии». Она сразу ответила, но мне показалось, что по сравнению с вражеским, наш залп был «хилым».

«Люсия» повернула левее, пытаясь выйти из-под обстрела и набрать скорость на ночном бризе. Скорость бриза была, около пяти метров в секунду, то есть всего один узел, а справа слышались шлепки вёсел галеры.

– «Приплыли», – подумал я и, увидел наваливающийся на меня борт.

Глава 4.

Слегка ободравшись о ракушки и проскользнув под вёслами, я едва успел зацепиться за перо руля, висевшее на такой же странной конструкции.

Не обращая внимание на шум стекающей с меня воды, за кормой вода кипела, как в чайнике, я вылез на корму и заколол двух румпельных матросов. Потом заколол трёх пушкарей левого борта и тут моё везение закончилось. Две последние жертвы вскрикнули и пушкари с правого борта, оглянувшись на вскрик, увидели меня.

Я шагнул навстречу крайнему справа от меня, одновременно уклоняясь от удара здоровенным ножом среднего. Перехватив остриём левого кинжала правую руку крайнего, я проткнул ему предплечье между лучевых костей и поднял его руку вверх. Палаш он выронил и заверещал так, что даже я сильно удивился.

Двое других пушкарей отпрянули, а я, держа свой левый кинжал высоко, спрятался за орущего и сделал выпад в сторону среднего, но не достал. Тем временем мой щит «опал», как сухой лист, видимо потеряв сознание. Я доколол его и получил колющий удар в живот слева.

Палаш скользнул по моей «броне» мне под левую руку. Опустив её вниз я поднял свое предплечье и раздался ещё один ор.

– Что же вы так орёте? – подумал я, насаживая печень противника на правый кинжал и проворачивая его.

Третий противник отступал к трапу правого борта. Я шагнул левой ногой, делая уклон и нырок в ту же сторону от удара по диагонали сверху, делая руки «домиком». Палаш прошел вдоль руки и по спине, а моя левая рука, держащая нож прямым хватом, прошлась по его печени, потом на противоходу зацепилась за его почку.

Почему-то никто на надстройку не лез и убить меня не пытался. Я выглянул сверху вниз и увидел на палубе пушкарей, приготовившихся стрелять.

– Право на борт, – крикнул какой-то китаец с бака.

Его команду повторил второй китаец, стоящий у левого борта и смотревший в мою сторону.

– Право, так право, – сказал я и завалил румпель²² резко вправо.

Джонка повернула влево, взяла парусами встречный ветер и завалилась на правый борт. С бака и шкафута послышались китайские проклятья в адрес рулевых, и в сторону бака поспешили «воспитатели». Я насчитал их восемь человек.

Засунув кинжалы в плечевые ножны и сбросив трупы в румпельную шахту, чтобы не мешали, я подобрал с палубы два палаша, и встал у румпеля, напевая песенку:

– Карусель, карусель, начинает рассказ. Это сказки песни и веселье! Карусель, карусель, это радость для нас. Прокатись на нашей карусели.

– Какого хрена ты делаешь?! – по-китайски крикнул тот, кто поднялся первым. – И где пушкари?

– Попрыгали за борт, – сказал я из темноты.

– Какого фуя?! – Гневно спросил начальник.

Это прозвучало так по-русски, что я рассмеялся и шагнул ему навстречу, начиная карусель.

Его голова скатилась на палубу, а тело мягко осело, заваливаясь назад. Левый палаш вошёл остриём в шею и с движением локтя вовнутрь провернулся, выскальзывая. Ноги мои переступили влево и следующий удар правого палаша пришёлся на третьего китайца, как раз высунувшего свою голову вперёд из-за второго. Он ещё ничего не понимал, а уже падал вниз по трапу на четвёртого с разбитой головой.

Другая группа, поднявшаяся по левому трапу остановилась от того, что передний китаец, увидев мой танец дервиша, попятился назад. И тут я почувствовал, как палуба уходит из-под моих ног. Я запоздало услышал удар и полетел за борт.

Однако упал я не в воду, а на носовую палубу третьей джонки, на которой, как я уже говорил раньше, бушприта не было.

Я хорошо саданулся о пушку плечом, но палаши держал крепко и не выронил. Я не боялся кого-либо поранить, а, наоборот, хотел этого, поэтому, продолжая вращаться, я покатился по палубе, опираясь на палаши и кулаки и подрезая чьи-то ноги. Раздались стоны и крики.

Мне было легче. На моей стороне была неожиданность и неразбериха на борту. Я прошёл по палубе, как газонокосилка. Сначала по левому борту, потом по правому.

– Карусель, карусель... Прокатись на нашей карусели! – Выдохнул я и огляделся.

С кормы на меня смотрели пушкари, но увидев мой взгляд, бросили свои палаши и вытянули руки вперёд, показывая их мне. Я показал за борт, они послушно спрыгнули. Не раздуывая.

Я посмотрел на раздавленную джонку. Она дымилась. Из-под палубы струились тонкие струйки дыма и слышались крики о помощи на португальском и испанском языках. На той джонке, где находился я, с вёсельной палубы так же слышались крики на знакомых языках.

Я выбил клин, поднял решётчатый люк и увидел крутой трап, уходивший в темноту.

– Я португалец. Я напал на этот корабль. Мне нужна ваша помощь. Я хочу освободить вас. Там есть синцы?

– Есть, есть, господин! – Закричало несколько голосов, а потом послышались сдавленные стоны.

– Уже нет, господин!

Я спустился вниз и не увидел, а почувствовал плотную массу народа.

– Вы прикованы или привязаны?

– Привязаны, господин!

– Вот вам палаши!

Я протянул оружие в темноту рукоятью вперёд и почувствовав, как его вырвали у меня, поднялся на палубу. Через некоторое время из люка стали появляться люди. Когда их собралось уже с десятков, я крикнул:

– На той джонке такие же, как и вы, но там много синцев. Возьмите оружие и освободите их. Но торопитесь, там возможен пожар.

Мои слова прозвучали, как удары хлыста. Люди стали хватать оружие, разбросанное по палубе и перелазить через борт. К тому времени джонки стояли бортами рядом и первая уже выровнялась. Я, кстати, попытался увидеть свою каракку, но её и след простыл в темноте. Как и просили, подумал я.

На палубе стояла почти кромешная темнота. Горел только маленький светильник на входе в каюты кормовой настройки и баковый фонарь, который, почему-то, не разбился. Луна куда-то делась.

Я пошарил по баку, нашёл ещё три фонаря, висевших на фэйр-мачтах и зажёл их. Потом прошёл на корму и зажёл находившиеся там пять фонарей. Открывшаяся картина впечатлила даже меня, не особо впечатлительного. Я прошёл по палубе. Сорок восемь тел. Раненых не было.

– Фу, Пётр Иванович! Да вы мясник, однако, – пробормотал я.

В той жизни мне не приходилось включать «карусель» на долго. Максимум, что я тогда видел, два, три трупа за раз. Я вздохнул.

– «Не я такой, жизнь такая», – подумал я. – «Жись – только держись! Если бы не я, то они покромсали бы меня на тысячу маленьких Петручо».

– Эй, порту! Мы закончили! – Послышалось с того борта. – Где твои люди?!

Я подошёл к левому борту и посмотрел на кричавшего.

Это был худой, грязный и одетый в какое-то тряпье грек.

– Один я! – Крикнул я. – потушили пожар?

– Так точно!

– Убитых раздеть, тела за борт. Палубу скатить водой. Пленные есть?

– Нет!

– Жаль. Моряки среди вас есть?

– Почти все моряки, дон...

– Дон Педро Антониу Диаш.

– Ха! – Крикнул кто-то из толпы. – Я у вашего батюшки ходил штурманом.

– Я матросом! И я! И я! – Послышались голоса.

– Вот и хорошо. Значит порядок знаете. Растащить корабли. Заменить поломанные вёсла. Встать на якорь бортами на противника. Открыть огонь на поражение по готовности. Канониры есть?

– Есть!

– К орудиям!

– Штурман!

– Рауль, дон Педро!

– Примите командование на том борту, Рауль. На первый-второй рассчитайсь!

– Это как?

– Разделиться пополам. Половину на это судно.

* * *

Мы стояли метрах в трёхстах от сторожившего нас в выходе из бухты судёнышка. На нём малый пожар потушили и паялились в темноту, пытаясь понять, что творится у нас. По сути, думал я, они могли видеть только странный манёвр переднего судна и навал на него второго. Шум, крики и возня могли образоваться и по естественным причинам.

– Пушкари! Отбой огонь! Берём в плен, синцев! И тихо всем! Говорить только по-сински.

Джонки, тем временем, отжали и растащили, трупы раздели и проколов брюшину, смайнали за борт. Пошла приборка.

– Рауль!

– Да, капитан!

– Приберётесь, сдвиньтесь так, чтобы это корыто не смогло удрать в море, а я перекрою вход в бухту. Атака на рассвете. С первыми лучами. Тараним, но не сильно, чтобы не повредить, и на абордаж. Цель – берём, как можно больше, пленных. Не нам же вёслами продолжать махать на галерах.

Прибрались быстро и даже успели часа два вздремнуть, когда вдруг закончилась экваториальная ночь. В небо ударили первые лучи бордового солнца.

– Навались! – Крикнул я, поворачивая корабль, и целясь в правый борт джонки, стоящей носом в бухту.

– Табань!

Удар и ещё удар... Сонная абордажная команда и экипаж первой джонки почти не сопротивлялись.

Когда совсем рассвело мы увидели примерно в миле от нас мою каракку со спущенными парусами. Я удивился и, дав команду новым гребцам из захваченных пленных китайцев: «Греби!», направил свою джонку к ней. Мы заходили с кормы и я увидел, что экипаж возится с румпелем.

Встав в полный рост на носовой площадке и подавая сигнал куском выбеленной морской водой и солнцем ветоши, я, когда мы сблизилась на расстояние выстрела, прокричал по-английски:

– Это ваш штурман, господин Ван Дейк! Не надо стрелять!

* * *

Мы сидели за столом, накрытом на площадке бака моей маленькой джонки. Она была прелестна и была бы абсолютно идеальна, если бы не сгоревшие по моей прихоти кормовые бизани. Мы принимали пищу. Бывшие гребцы-рабы на двух других моих джонках тоже завтракали.

Я убедил капитана вскрыть запасы и поделиться имеющимся со всеми бывшими пленниками.

На джонках тоже нашлось немного еды, но мы воспользовались лишь их запасами спиртного, в основном виноградными винами. А моему новому экипажу отдали все запасы рисовой водки, благо, её было немного.

Не сказать, что китайцы гребцов морили голодом, но такого разнообразия они не видели давно. Были забиты все оставшиеся выловленные на предыдущей стоянке свиньи, съедены все фрукты, кроме моих лимонов. Пировали и отдыхали до полудня. Ночь выдалась не из лёгких.

На берегу оставшиеся в деревеньке китайцы высказывали непонимание «политического момента». По их мнению произошла победа. Британское судно пыталось сбежать, но было захвачено, но почему-то никто не спешил чалиться к берегу и праздновать, а главное, делить добычу.

Береговые китаёзы справедливо считали, что часть добычи принадлежит им, так как это они первыми увидели купца и подали сигнал. Чуть позже полудня из бухты вышла джонка.

Когда я увидел её там в бухте, я лишь примерно прикинул её размер и форму. Она стояла к нам кормой и за небольшим мыском, поэтому не была видна полностью. Когда я увидел её сейчас, я влюбился в неё с первого взгляда.

– Она моя, – сказал я дремлющему под бамбуковым навесом Людвигу.

Тот, открыв один глаз пальцами левой руки, правой он продолжал держать кубок с вином, сказал:

– Да пожалуйста!

Перепрыгнув на вёсельную джонку, я крикнул Рауля, стоявшего вахту.

– Буди китайцев, и абордажную команду. Никого не убивать, всех только живьём. Там важный чиновник, спинным мозгом чувствую. И чтобы эту игрушку не поцарапать мне. Из твоей доли вычту.

Наша джонка рванулась сначала в сторону, а потом, развернувшись, пристроилась красавице в борт и деликатно так, навалилась. Что Рауль кричал китайцам, я не прислушивался, но «овладел» я красавицей очень нежно.

– Прошу оставить оружие и сдаться, – крикнул я на мандаринском наречии, когда человек сорок моих полупьяных воинов захватили палубу.

– Что это значит? И кто вы? – Проскулил кто-то писклявым голосом.

– «Евнух», – подумал я. – «Значит точно, – китайская шишка».

– Это значит, что все ваши корабли захвачены нами. Часть экипажей, за исключением гребцов, конечно, перебита, часть захвачена в плен и задействована нами в качестве гребцов. Теперь и вы наши пленники. Понятно всё?

– Я посол великой империи Мин, князь императорской крови, Чжэн...

– Совершенно не интересно, – прервал я его. – Вы – вокоу²³. Морской грабитель. Ваши корабли напали на одинокого торговца.

– Мы думали он нападёт на нас...
– И поэтому напали первым, когда увидели своё преимущество. Очень по-миньски.
Сунь-Цзы отдыхает.
– Вы знакомы с...
– Привязать его к самому тяжёлому веслу! – Приказал я, и гражданина посла поволокли в трюм.
– Рауль, посмотри, что есть здесь вкусенького, сдай вахту помощнику и приходи за стол. Пора обедать.

* * *

Остаток дня и ночь прошли без происшествий.
– Слушать мою команду! – Крикнул я собравшимся на палубе большой джонки чумазым оборванцам. – Теперь я ваш капитан! Кто соизволит оспорить, прошу не стесняться и высказываться сейчас.
– По какому праву? – Послышалось со стороны обособленно стоявшей группы, похожих на греков, моряков.
– По праву захватившего эти суда – раз, по праву сильного – два, и по праву имеющейся у меня лицензии на каперство. Какое из трёх прав вы желаете оспорить?
– Право сильного! – Крикнул громадный грек. – И один корабль наш. Мы его захватили!
– Захватил его я! Я первый начал там убивать. И убил бы там всех. Или вы сомневаетесь? Я освободил вас, и отправил убивать. Вы приняли моё командование. Вы мои воины. Вся вчерашняя и сегодняшняя добыча – моя, потому что это моя битва. Или хотите вернуться в трюм, кормить морских блох?
– Нет! – Закричали «греки». – Ты нас туда не загонишь?!
Остальные стояли понурясь. Почти все бывшие рабы, были измождены. Многие из них имели долго незаживающие язвы от натёртостей.
– Вы недавно в плену? – Спросил я.
– Десять дней! – Крикнули из другой группы. – Это венецианцы! Неблагодарный народец. Им всегда мало.
– Заткни пасть! – Крикнул громила.
– А то что?!
Громила шагнул в сторону белокурого юноши лет шестнадцати.
– А то, ноги вырву!
– Эй! – Крикнул я. – Мы не закончили. Потом вырвешь. Я готов тебя убить, а ты готов умереть?
– Готов! – Рывкнул противник.
– Я понимаю, что вы, – я ткнул пальцем в «греков», – все против меня. Поэтому, если я его убью, то и вас всех следом. Так?
– Это не по правилам! – Крикнул давешний «грек», активничавший при освобождении третьей джонки.
– Какие правила ты имеешь ввиду? – Спросил я. – Есть такие правила? – Спросил я команду.
– Нет! – Прокричала толпа. – Противников за борт!
– Правильно, – сказал я. – А теперь с тобой...
Я подошёл к громиле, стоявшему широко расставив ноги и положив ладони на рукояти тесаков.
– Ты как предпочитаешь умереть? Красиво, или в дерьме? – Невнятно пробормотал я.
– Чего? – Спросил он, чуть согнувшись вперёд, а потом выпрямился. – Красиво!

Его внутренности вывалились на палубу синими змеями.

– Не угадал, – сказал я, пряча кинжалы. – В дерьме...

Я оглядел палубу.

– Всех недовольных за борт, Рауль!

* * *

– Экий вы, дон Педро... Решительный. Не ожидал... Не ожидал... О каком каперском свидетельстве вы упоминали? Я не видел его в ваших бумагах.

– Я его потерял, но оно было.

– И с кем же вам дозволено воевать? И кем оно подписано? Если не секрет...

– Секрет, сэр Людвиг.

– Какой вы многоликий, дон Педро...

– Как и вы, сэр Людвиг.

Они разом рассмеялись.

– Что дальше делать будем? – Спросил отсмеявшись Ван Дейк. – Вы обзавелись целым флотом и солидной командой. Но мне-то надо спешить. Оба моих нанимателя стонут и плачут, как хотят вернуться домой.

– Делайте, что хотите, сэр. Но домой один вы не дойдёте. Слишком вы жирный и беззащитный. Вам в Малакке надо прибиться к каравану, но до Малакки ещё добраться надо. Тоже не фунт риса.

– Причём тут рис?

– Присказка такая. «Не так просто» – означает.

– А вы, что делать будете?

– Отдохну здесь, наберу припасы, разберусь с наследством, – я обвёл рукой спящих по палубе моряков. – Там видно будет. С синцами здесь ещё разобраться надо.

– Посла надо бы отпустить. В Малакке я вынужден буду рассказать об инциденте. По папской булле это территория Португалии. Вы разобрались, куда направлялось посольство?

– В том-то и дело, что к султану Махмуд Шаху.

– Фактически, к вражеской, по отношению к Португалии, стороне.

– С грузом пороха, между прочим.

– Отдайте его мне, дон Педро. Я передам его губернатору Малакки. Сообщу, что вы здесь чинитесь. Вам всё равно придётся им передать часть добычи.

– Ладно! Пойдёмте в Малакку вместе, капитан. Пополним припасы и отвалим. Денька через два. Там всё обскажем, как было, сдадим имущество.

– Вы, только, посла из трюма выньте. Особа императорских кровей всё же...

– Вынул ещё вчера. Это я так... Для того, чтобы бывшие рабы его не растерзали. Посол ведь со своими адмиралами, идя сюда, встречных купцов грабили. Через одного. Часть их флотилии с «честно награбленным» добром вернулась в «поднебесную». Все эти, освобождённые мной моряки, из их экипажей. Оставшиеся в живых.

– Будет повод получить от синцев политические и торговые привилегии.

– О чём вы говорите, сэр Людвиг?! С синцев вы не получите и шерсти клоч. Они не стали выкупать своего императора, когда тот попал в плен, а просто заменили его на его брата. И ещё обвинят нас в разбойном нападении на их посла. А рассказы бывших рабов, либо оставят без внимания, либо тоже извратят. Например, скажут, что всех подобрали в море, а на вёслах они работали за еду. Ещё и должны останутся.

Капитан Людвиг удивлённо смотрел на меня.

– Но это же бесчестно!

– А кто сказал, что понятия чести у нас с ними одинаковые? Для них, всё, что идёт на благо империи – честно и достойно, а победа обманом – наиболее почётна, потому что позволяет победить с меньшими потерями.

– Вы говорите так, как будто знаете их очень давно.

– Так и есть. По письменным источникам. Читал много в детстве.

– Тогда их лучше притопить.

– Правильно. Нету тела, нету дела. Есть у меня одна мысль.

– Неужели вы один захватили целый корабль. Их же там было, как говорят синцы, пятьдесят человек.

– Темно было. Они меня не видели, а я их не считал.

Глава 5.

– Э-э-э... Посол! Из-за уважения к вашему императору я снисхожу до того, чтобы освободить вас и ваших людей, а также передать вам в пользование одну парусно-вёсельную джонку. Без гребцов, конечно. Наш почётный эскорт проводит вас в порт Малакка и передаст в руки его губернатору. В вашей верительной грамоте ошибочно указано, что это Махмуд Шах. Захваченное нами имущество, как товары, так и ваших рабов, мы также передадим губернатору Малакки.

– У нас на берегу ещё много товара и запасов.

– Мы позволим вам забрать всё, не беспокойтесь. Снарядите для этого своих людей. Мы им поможем. Принимайте корабль, господин посол.

* * *

– Капитан-адмирал! – Обратился Рауль. – Ребята просят на берег. Говорят, всё тело чешется в разных неприличных местах, так баб хотят.

– Боюсь спросить... Но сколько у них на теле неприличных мест?

– Не знаю, капитан. У всех по-разному.

Рауль скромно потупил взор. Не смотря на несколько лет проведённых на вёсельной палубе, Рауль сохранил стройность и осанку, присущие высокородным донам.

– Сколько их всего? Чесоточных?

– Семьдесят шесть.

– Так... Делим на три. Получается почти по двадцать шесть. Нормально. Готовь к увольнению на берег первых двадцать шесть человек. Половина надёжных, половина нет. Разведи сплочённые группы по разным сменам. Понял?

– Не очень.

– Сделай так, чтобы в увольнение, или на борту не собирались друзья. Не хватало нам бунта на корабле. Ну... Да... Людвиг присмотрит. Не удивляйся, если он наши джонки на прицел своих пушек возьмёт. Сам останешься на борту. Завтра гульнёшь. И за синцами смотрите лучше.

– Понятно, капитан.

– Но сначала проведём разведку.

* * *

Мы вошли на маленькой джонке в бухту и на вёслах продвинулись к устью реки. Пришвартовались справа, где был крутой берег и очень удобная для схода площадка. Все сошедшие на берег матросы были одеты в кирасы и шлемы, у многих в руках имелись щиты и копья. Мы не знали, как нас встретят аборигены, и остались ли на берегу китайцы.

– Первая десятка вперёд! – Скомандовал я. – Мародёрам и насильникам что?

– Смерть, капитан!

Разведчики, разделившись на двойки, рассыпались по посёлку.

Хижины начинались метрах в пятидесяти от берега реки и занимали площадку примерно сто на сто метров. Жителей в посёлке не наблюдалось.

– Нет никого, капитан, – услышались голоса.

Вторая десятка вперёд! – Скомандовал я. – Мародёрам и насильникам что?

– Смерть, капитан!

Вторая группа побежала вдоль берега реки в джунгли.

Через полчаса разведчики вернулись с добычей: двумя дикими свиньями, двумя дикими куропатками и папанёнком лет пяти. На джонке мы нашли большой медный котёл, который матросы вытащили на берег и установили на имевшееся в деревне кострище, прямо на стоящие вокруг него валуны, налили в него воду и стали разделять добычу.

Когда свиньям вспороли животы, мальчишка, привязанный к дереву за ногу, чтобы не убежал, громко заплакал. Малайского языка он не знал и мои уговоры на него не действовали. Я отвязал его, держал на коленях и гладил по голове, когда увидел, что из-за хижин выскочили две женщины и побежали ко мне, рыдая и заламывая руки.

Оторопев, я ссадил мальчишку на землю и, чуть хлопнув его по спине, направил к ним.

– Ему ничто не угрожало, – крикнул я по-малайски и хотел добавить, что мы хотели его накормить, но малайский язык я знал не очень хорошо, а фраза звучала сильно двусмысленно, вроде: «хотели делать ему есть».

– Мы хотим торговать, – сказал я, показывая на ткани, мешки риса и ножи.

Женщины подхватили ребёнка и убежали.

* * *

– Наши мужчины давно не знали женщин, оранг-кая²⁴. У вас есть свободные? Которые могли бы выйти замуж?

– Конечно есть. Но их мало. Всего две руки. Остальные с большими животами. Но у нас все свободные. Не так, как у белых или синцев. Не надо замуж.

– И это хорошо, – сказал я, мысленно рассмеявшись от слов: «две руки».

Мы сидели под навесом, сделанным из бамбука и листьев банана, на толстых, плетённых из того же материала, матах. Моих матросов я уже рядом не наблюдал, как и местных женщин.

– Жаль, что вы не возите с собой своих женщин, – мечтательно улыбнулся вождь, оттопыривая нижнюю губу со вставленной в неё косточкой какой-то птицы.

Плов со свиной вождь, как и все жители посёлка, уплетал быстро, часто накладывая его небольшими кучками на зелёные банановые листья и отправляя оттуда в рот, как с конвейера, подталкивая палочками.

Оказалось, что китайцы не грабили население, и, хоть и скромно, но заплатили за специи. Гвоздику, корицу и фрукты мы сразу погрузили на джонку. Мускатный орех на острове не произрастал. Увольнительный день закончился быстро и при двустороннем согласии. Аборигены и аборигенки оказались гостеприимны и добры, матросы любвеобильны и скромны. Под моим контролем, конечно.

Договорившись со старостой о том, что завтра их посетит ещё одна группа «туристов», мы, согласовав завтрашнее меню, отплыли на рейд.

И на следующий день всё прошло гладко. Даже с большим размахом. В этот посёлок пришли жители соседнего посёлка, и отдых у второй группы расслабляющихся матросов удался на славу. Китайцы не приближали аборигенов, жили особняком, и, естественно, не ловили для аборигенов диких куропаток и свиней, и не готовили из них и драгоценного риса такое вкусное лакомство.

Я рассказал Раулю технологию приготовления плова, но аборигены внесли в неё свои дополнения в виде каких-то овощей и фруктов.

Рауль сказал, что ему их плов понравился больше, чем та горсточка, что я принёс ему вчера.

– Извините, капитан, но я не успел набрать больше. Там столько было народу, что даже не хватило нескольким нашим. Тем, кто задержался у женщин!

За пиршествами мы не забывали пополнять запасы воды, фруктов и засолить свинину. Живых животных в обратный поход решили с собой не брать. Слишком от них на борту грязно. А джонки сияли чистотой плотно пригнанного и отполированного дерева.

Три дня стоянки на острове пролетели, как в великолепном сне. На острове практически отсутствовали москиты и вредные насекомые, летали птицы с радужным оперением и чудесными голосами.

Островитяне, добрейшие люди, были и внешне по-настоящему красивы. У многих из них, при их очень смуглой коже, были глаза с синей, или зелёной радужкой. Женщины обладали точёными, почти идеальными фигурками и прекрасным весёлым характером.

Как я знал из своего времени, учёные так и не пришли к единому мнению, почему у жителей именно этого острова такие изумительные глаза. Тогда считали, что это наследие, полученное от европейцев, но сейчас я видел, что загадка спрятана намного глубже.

* * *

За эти три дня я присмотрелся к экипажу и с помощью Санчеса, того шестнадцатилетнего юноши, что вступил в спор с «греком», разобрался с неформальными группами в коллективе. Вернее, коллектива тут было два и в каждом минимум по три группировки.

Санчес с девяти лет жил на кораблях и был обычной «пороховой крысой», как называли мальчишек, приписанных к оружейной команде, и незаменимым трюмным. С его помощью экипаж шкерил²⁵ от командиров спиртное. Мальчишка мог пролезть в таких узких местах, куда больше пролезть не мог никто. Санчес шкерил не только спиртное, но и иные запрещённые вещи, например, контрабанду.

Когда он вырос, то захотел стать настоящим штурманом, но так как с малолетства был приставлен к пушкарям, к профессиональным знаниям ими допущен не был, так и прозябая на побегушках. Канонирам был удобен такой его статус.

После пленения он стал гребцом на китайской джонке, и доживал свои последние дни, день за днём теряя здоровье. Его долгая жизнь под пайолами в трюмных миазмах не позволили правильно развиваться его организму.

С просьбой перевести его в ученики матроса, термина юнга он не знал, он обратился ко мне в первый же день нашего знакомства.

Я, посмотрев тогда на его жилистую, но субтильную фигурку, не соответствовавшую его шестнадцати годам сказал:

– Я обязательно дам тебе возможность научиться морскому делу, Санчо, но сейчас мне надо разобраться с твоими друзьями.

– У меня нет друзей, – понурился он.

– Я имею ввиду тех людей, из которых нам сейчас нужно собрать команду. Нам совершенно не нужны такие баламуты, как те венецианцы. Слово капитана – закон. Ты понимаешь?

– Да, капитан!

– Поможешь мне понять, кто может затеять смуту?

– Что я должен делать?

– Слушать, присматриваться. Расскажешь мне кто, что из себя представляет. Надо отсеять смутьянов и выбрать надёжных.

Тем же самым занимался Рауль и ещё один матрос с каракки с которым у меня завязались доверительные отношения. К концу третьих суток у меня было полное представление о профессиональных и моральных качествах всех вновь приобретённых членов моего экипажа, согласно которым мы провели реформирование экипажей.

Не всем понравилось мое перераспределение, но люди были сытые и довольные, чтобы роптать вслух. В мои руки попала довольно внушительная казна посла, но ею, абсолютно уверенно, я мог распоряжаться лишь в рамках одной трети. Две трети мы были обязаны сдать наместнику короля. Но и этой суммы было достаточно, чтобы нанять на год ещё пять экипажей.

Однако никого из моряков нанимать за деньги я не собирался.

* * *

– Слушайте меня! – Крикнул я, собравшимся на палубе большой джонки людям. – Завтра утром мы отчаливаем и идем на Малакку. Там я сдаю эти корабли, синцев и вас всех губернатору. Как я уже понял, не все из вас хотели бы такой участи. По разным причинам. Поэтому, кто желает, может остаться здесь. В этом райском уголке. Остальные, желающие вернуться на

родину или наняться на корабли в Малакке плывут со мной, безропотно выполняя все мои приказания. Бесплатно. Только за еду и провоз.

В толпе раздался ропот.

– Вы поймите, корабли, это моя добыча и если вы откажетесь, и я не смогу их доставить к губернатору, я их просто сожгу. Вас я освободил, а дальше, как хотите, так и живите, но нанимать мне вас не на что. Поэтому, либо принимайте моё условие, либо сходите на берег все.

Толпа загудела, но Рауль вдруг крикнул:

– Мы с тобой, капитан.

Его поддержало сначала ещё человек двадцать, а потом и все остальные, с той или иной долей раздражения. Чтобы несколько разрядить обстановку я добавил.

– Вы поймите, эти корабли мне самому нравятся, но лишь как произведения искусства. Они красивы, – да, но как они покажут себя в управлении мы не знаем. К тому же я обязан сдать их губернатору. Да и не решил я, вернусь ли в Лиссабон, или останусь здесь, купив себе корабль, более понятной для меня конструкции. И тогда лучшим из вас я предложу на нём почётное место. Мне здесь начинает нравиться. Тут прекрасные женщины! А что ещё для мужчины надо, чтобы встретить старость?!

Толпа понимающе взревела.

Утром пятого дня мы снялись с якорей.

На джонке вместе с послом, якобы для охраны, я поместил самых отъявленных негодяев или бездельников. На второй парусно-вёсельной джонке за вёсла сели свои, потому что китайцев я всех собрал на первой. Сам я шёл на бывшем посольском корабле.

Эта джонка мне нравилась всё больше и больше. Восьмидесятиметровый корпус собранный встык из какого-то очень твёрдого и тяжёлого дерева не тёк и не являлся домом для древооточцев.

Как рассказали мне чинцы, здесь в бухте они лишь ободрали борта и днище от ракушек и пересмолили его. На борту было двадцать средних по размеру пушек и шесть малых, большие запасы пороха и ядер.

Каюта посла на большой джонке была огромной и шикарной. Управление джонкой оказалось лёгким. Не надо было ничего рифить, для чего лезть на реи. Почти плоские, как крылья бабочки паруса, хорошо держали ветер, создавая между собой подобия аэродинамических туннелей, ускоряющих прохождение ветра, а значит и увеличивая скорость корабля. При нормальном ветре мы шли не менее пятнадцати узлов, тогда, как каракка Людвиг выдавала лишь десять-двенадцать.

Единственным неудобством было то, что парус нужно было поднимать около двух часов. Он был собран из бамбуковых циновок в форме четырёхугольников, поэтому был очень тяжёл. При спускании верхней реи, парус собирался снизу, как жалюзи. Но паруса не спускали, чтобы остановиться, а разворачивали плоскостью по ветру.

Команда «Санта Люсии» не участвовала в наших «вакханалиях». Они остановились в следующей бухте, чуть севернее нашей и прагматично занимались пополнением провианта.

На второй день стоянки я поднял со дна выброшенные мной перед боем мешки с измерительными инструментами, золотом и жемчугом, чему очень удивился Людвиг Ван Дейк, находившийся в это время у меня в гостях. То ли ему с нами было веселее, то ли он продолжал меня изучать.

– Вы продолжаете меня удивлять, дон Педро, – сказал он, когда на борт подняли мешки с моими вещами. – Откуда вы их... Где вы это всё взяли?

Он не видел, как две шлюпки тралили дно бухты, ища линии с буйами.

– Я притопил их в бухте, – сознался я. – Оставлял, так сказать, на ответственном хранении, пока разбирался с синцами.

– Значит вы не собирались возвращаться на каракку?

– Нет. Я предполагал, что они попытаются вас настигнуть, поэтому мне и нужен был лишь подлиннее, чтобы я мог зацепиться за их корабль.

– Значит вы знали, что там не один корабль, и мне ничего не сказали.

– Я не знал, но догадывался, что там должны быть ещё корабли и вооружённое того, что они выставили на обозрение. И я сказал вам, чтобы вы имели это ввиду. Вы забыли? В конце концов, вы и сами должны были догадаться, ведь вы же опытный моряк.

Людвиг на меня почему-то обиделся. И хорошо, что мы шли на разных кораблях.

* * *

На десятые сутки пути джонка с послем пропала. Мы увидели это утром, когда рассвело. Мы шли в линию, выровняв скорости, осветив себя огнями, держа друг друга на дистанции видимости огней. Пропавшая джонка шла второй и исчезла, судя по всему ещё ночью.

– Я всё время видел её огни, – бурчал мой вперёдсмотрящий. – Потом они мигнули, но сразу появились снова. Мне показалось – чуть дальше по курсу. Думал, что я вздремнул.

– Они сильно сблизилась с нами, видимо добавляя вёслами. Мы-то шли на парусах, – объяснял вахтенный «Санта Люсии», шедшей в авангарде конвоя. – А потом огни погасли и загорелись уже намного дальше.

– Они намерено сблизилась, чтобы приблизить наш корабль, и погасив огни, отвалили в сторону. А вы увидели наши огни, и приняли нас за них. Грамотно, – сказал я.

Людвиг смотрел на меня как-то насмешливо. Или мне показалось?

– Синцы перебили наших, захватили корабль и ушли на север, – сказал он уверенно. – Так и запишем в журнал.

* * *

– Я могу дать вам и вашим людям шанс, Бен. Я знаю, что в Малакке вас ждёт виселица, и вы рассчитываете захватить один из наших кораблей.

– Вас кто-то ввёл в заблуждение, сэр.

Бен по кличке Ган был хорошим пушкарём и неудачливым пиратом. Три года назад он с «товарищами» захватил португальское купеческое судно, на которое был нанят в экипаж, и с находящимся на борту грузом специй отправился в Китай, где они продали их по хорошей цене, но уйти далеко не смогли. Их догнали и всё золото и купленные в Китае товары отняли. Скорее всего напали те же, кто им их и продал.

– Как хочешь. Я сейчас дам команду вас заковать, – я показал на стоящих поодаль четырёх моих охранников, – и поместить в трюм. В Малакке сдам губернатору.

– Вы, сэр, что-то сказали о шансе.

– Шанс – это не то слово, Бен. По сути, это подарок. Я позволю забрать тебе и твоим людям джонку с послем и китайцами, которыми ты можешь распоряжаться, как хочешь. Можешь за них получить выкуп, например в Китае.

– Вы как-то странно называете синцев, сэр. Вы их имеете ввиду, я правильно понимаю, сэр?

– Да, правильно.

Глава 6.

Уже возле самой Малакки мы нагнали флотилию из десяти кораблей, шедших под косыми парусами. Я просемафорил Людвигу и догнал каракку.

– Спрячься за мной! Это арабы! И их слишком много, чтобы они были мирными! – Крикнул я.

Мы не стали их обгонять, а намеренно замедлили ход, уйдя правым галсом мористее, и развернувшись, подошли к устью реки с севера по ветру. Благодаря нашей медлительности мы определились с пониманием целей арабской флотилии, потому что услышали залп крепостных орудий и ответный залп корабельных пушек.

Мы тоже приготовились к бою и едва подошли к устью, как ударили слаженным залпом по ближайшим кораблям противника.

Январский морской бриз был свеж и крепок. Паруса джонок позволили развернуться им почти на пятке руля и выскочить снова в море. Я всё больше влюблялся в мою чайку «Ларису», как я назвал её в альтернативу каракке «Люсии». Её паруса, действительно походили на крылья чайки и так же, как у птицы складывались.

Сделав ещё один заход на цель, я увидел, что нас уже ожидают, подставив борта, пять парусников. Я дал сигнал Людвигу отвалить. А сам понёсся по большой дуге на максимальной скорости. Ни один из пяти кораблей противника не попал по летящей, как птице, джонке. Мои пушкари стреляли по два залпа на каждое судно и более удачно. Всё-таки свою скорость легче контролировать, чем чужую.

После того, как противники разрядили по мне свои орудия, каракка и остальные корабли, спокойно пройдя мимо них, расстреляли врагов почти в упор.

В крепости тоже даром время не теряли и осыпали корабли ядрами, точно ложившимся на палубы.

Когда я шёл в свою третью атаку, то увидел выходящие из устья корабли, удирающие на зюйд. Догнав крайний, я развернулся к нему левым бортом и ударил картечью.

Как я уже говорил, на моей «Ларисе» было двадцать средних пушек на два борта, а портов на каждом борту верхней палубы было тоже двадцать. Поэтому мы перекатили пушки с правого борта на левый и зарядили их снарядами от малых пушек. Их, как раз ложилось в ствол по четыре в ряд.

Двенадцать дюймовых «картечин» чистили палубу, что тебе хороший веник, если пройти по ней из двадцати стволов. Разброс зарядов из одного ствола с расстояния сто пятьдесят метров составлял три метра.

Я знал, что пробить борта нашими даже «средними орудиями» с такого расстояния – весьма проблематично, и поэтому мои пушкари получили команду использовать заряды от малых пушек и бить ими издали, «полунавесом», по палубе. Благо, высота борта «Чайки» позволяла. Ещё на стоянке у острова мы потренировались, стреляя по берегу. Пороху у китайцев было много, а заряды мы потом собирали.

В устье Малакки стояли почти обезлюдившие три вражеских парусника, а мы, развернувшись к ветру и перезарядившись, сейчас догоняли четвёртый. Остальные бывшие нападавшие драпали, задрав хвосты.

Догнав отстающего от основной группы противника, мы не стали делать ещё один залп. Его палуба была практически пуста.

Уровнявшись скоростью и зацепив кошками борта мы перебросили на него абордажную команду. Я пошёл вместе с ними.

– Пленных брать! Легко раненных перевязать! Безнадёжным облегчить участь! Замыть палубу и подготовить корабль к буксировке.

Захваченный нами корабль фактически потерял паруса, которые висели беспомощными тряпками. Такими ветер не возьмёшь. А вот моими «деревянными» можно взять даже дырявыми. Другой принцип движителя, однако.

В Малакку мы пришли уже затемно, но были встречены ещё на рейде тучей маленьких судёнышек, как ёлка увешенных огнями. Это было феерическое зрелище. Они, как огни Святого Эльма указывали нам дорогу к причалу. В конце концов они сблизились настолько, что просто передавали нас из рук в руки. Это было трогательно. Честно, я бы прослезился, если бы не находился в предчувствии предстоящих проблем. Я опасался Альбукерка. Суровый, по рассказам историков, был дядька.

Альбукерк встречал нас лично. Я удивился. Сколько ему пришлось нас ждать? Мы торчали в море, согласно моему хронометру, около пяти часов. В бой мы ввязались в девять тридцать три, начали преследование в одиннадцать сорок две, захватили судно в двенадцать двадцать, начали буксировку в тринадцать двадцать пять, шли против ветра четыре часа... Пока доворачивали на огни...

– Рад вас приветствовать уважаемый дон Педро Антониу Диаш. Я знавал вашего батюшку. Какими судьбами у нас?

– Не судьбами, уважаемый дон Афонсу де Албукерк, ветрами. Нас штормом пронесло мимо Малакки и даже мимо Суматры. Мы потеряли три корабля и вышли в Яванское море у Джакарты. Потом потеряли ещё один. Как нас не «приняли» на свои орудия мусульманские крепости, одному богу известно. Они, видимо, сильно были удивлены. А теперь мы возвращаемся с островов Пряностей. Тоже с приключениями, как видите, – показал я на крылья моей «Чайки».

– Синские джонки? Откуда они у вас? Мы уже опросили этих, – губернатор махнул рукой на арабские корабли, пришвартованные у того же причала. – Они как раз из Джакарты. Вы наказали их за их «гостеприимство».

Я рассмеялся.

– Мы об этом никого не просили и договоров о ненападении не подписывали. Но и они пришли сюда не с дарами волхвов.

– Ха-ха-ха! – Громко рассмеялся Альбукерк. – Да, не с дарами!

В абсолютной темноте я не разглядел города. Факельное шествие по узким улочкам привело нас к каменной воротной башне крепости форта, у которой восторженные жители города нас оставили, а мы прошли во внутрь форта и затем в стоящий в центре крепости дом губернатора.

Я слишком устал, чтобы бурно предаваться пиршеству и обильным возлияниям. После второго бокала вина меня повело, и я почувствовал, как тело подхватили чьи-то руки. Я был не в силах открыть глаза и провалился на дно глубокого колодца.

Утром я привёл себя в порядок, оделся, обулся и позвонил в стоящий на столе серебряный колокольчик. Вошедший в комнату индус жестами попросил следовать за ним и провёл меня в большой обеденный зал, где уже сидели несколько человек вместе с губернатором, Людвигом, Раулем и Пауло Россини – капитаном маленькой джонки, которую мы окрестили «Малышка», бывшим флорентийским купцом, знавшим навигацию.

– Мы как раз говорили об исчезновении джонки с синским посланцем, – сказал Людвиг.

– Хорошо, что этот синец плыл с посольством не к нам, а к Махмуд Шаху, – сказал Альбукерк.

– Вполне вероятно он туда и отправился, – сказал я, усаживаясь на вовремя пододвинутый мне прислужгой стул с высокой спинкой. – Мы потеряли их у острова Линга.

– Очень даже возможно, – согласился со мной Альбукерк. – Ведь у них же не было достаточно припасов?

– Не было, – подтвердил я. – Жаль моряков. Двадцать отличных бойцов. Стремилась поступить к вам на службу.

– Да... Жаль-жаль... Нам сейчас каждый боец дорог. Мы вот-вот должны были уйти в Гоа, да наша старушка «Флор дель Мар» снова потекла. Хорошо, что у вас есть корабли. Посадим мои войска на них, а «Флор дель Мар» догрузим золотом.

– Я хотел бы просить вас, дон Альфонсу, оставить мне большую джонку. В счёт моей премиальной доли. И я готов сопровождать вас в походе до Гоа.

– Думаю, это возможно. Да и остальные джонки мне не нужны. Выкуп за них мы не получим. Все синцские купцы из Малакки уплыли. Использовать мы их не сможем, переучивать моряков некогда.

Он замолчал увидя мой, вроде, как произвольный, возражающий жест.

– Вы не согласны? – Спросил он.

– Те моряки, с которым пришёл уважаемый капитан Рауль, уже приспособились к парусно-вёсельной джонке. Она очень хорошо показала себя в переходе от острова Бутунг. Две тысячи миль и ни капли воды в трюме. Очень манёвренная, как и все джонки.

– Что вы говорите? – Удивился Альбукерк. – Ладно, посмотрим. У меня слишком мало кораблей, чтобы отказываться от идущего мне в руки подарка. Капитан Серран шесть месяцев назад ушёл искать острова Банда и исчез. Говорят, вы видели там португальское судно? А сами вы куда направляетесь? Какова ваша миссия?

– Никакой особой миссии, господин губернатор. Я только исполняю волю отца, мечтавшего побывать в Индии.

Альбукерк и мои соратники привстали и почтительно склонили головы.

Далее разговор шёл о пустяках. Завтрак перетёк в обед, а обед в ужин.

Альбукерк вынужден был задержаться, перераспределяя груз и войска и ревизуя нашу добычу. На четырёх захваченных нами Яванских кораблях тоже оказались корабельные кассы и материальное имущество, которое тоже имело свою цену. Одни только пушки и пищали стоили целое состояние. Всё надо было пересчитать и выдать нам наши доли.

Однако Альбукерк был хитер. Долю от захваченных нами денег мы получили, а вот за имущество он выдал долговые расписки, обналичить которые мы могли только в Португалии в королевском казначействе.

Однако и тех денег, что мне выдали, а я не зажилился и щедро премировал ими экипажи, вполне хватило, чтобы хорошенько отпраздновать наше прибытие в порт, чем мы и занимались трое суток.

Португальским морякам были знакомы косые арабские паруса, потому что их корабли лишь недавно перешли на прямые. Поэтому восстановив повреждения, Альбукерк задействовал и их. Среди спасённых мной моряков было шесть штурманов и трое бывших капитанов, из довольно знатных родов, которых китайцы думали вернуть за выкуп. Всех их Альбукерк с благодарностью принял на службу.

Через пять дней наша пёстрая флотилия вышла в море и почти благополучно добралась до Гоа. Почти благополучно, потому что мы потеряли наш флагман «Цветок моря».

Мы уже почти обошли Суматру, когда попали под встречные порывы ветра. Нас погнало на мели острова Наси. Наши джонки, развернувшись на месте, ушли от опасности, а тяжёлая и гнилая «Флор де ла Мар» напоролась на риф и затонула. Ещё какое-то время её мачты торчали над водой, но потом исчезли и они.

Я завалил свою джонку на обратный курс и с трудом справляясь с ветром подошёл к месту крушения. Мы смогли спасти лишь тридцать два человека из пятисот. Был спасён и Альбукерк. Очень хорошо в таких условиях показала себя вёсельная джонка. Мотор, он всегда мотор. Хоть и весельный.

Альбукерк так горевал, что мне пришлось спить ему все свои запасы рисовой водки. От него я узнал, что на утонувшей каракке находилось двести сундуков с драгоценными камнями и алмазами, некоторыми размером с кулак. Это всё богатство предназначалось Португальскому королю.

Мы с Людвигом не стали задерживаться в Индии, а высадив войска и их адмирала в Кочине, ушли домой. Людвиг на запад к берегам Африки, по прежнему пути, а я на юго-юго-запад к Мадагаскару, высчитанному мной по вполне сформировавшейся у меня карте, собранной из многих уже нарисованных до меня и моих знаний контрольных точек, углов и расстояний. Мне в них важны были уже известные расстояния и направления, которые я привязал к высчитанным мной координатам открытых нами мысов и островов. Я решил проверить свою джонку в океане, а Людвиг рисковать не хотел.

Я не лукавил, убеждая Афонсо Альбукерка в непротекаемости джонок. Во время шторма решетчатые люки верхних палуб заменялись на глухие с уплотнениями. Вода скатывалась с палубы в море через отводные шпигаты и корабль выбрасывало из любой нахлынувшей на него океанской волны. Паруса, даже частично повреждённые, держали ветер и судно не теряло управление.

Меня поначалу раздражал боковой снос из-за фактического отсутствия килля, но оказалось, что при грамотном рулении он исчезал. Руль имел необычное перо. Его передний край выступал сильно вперёд и частично заменял киль²⁶. Зато маневренность и скорость моей «Чайки» были не соизмеримы с европейскими или арабскими парусниками. У меня было шесть парусов, из них три кормовых «бизани».

* * *

Я находился в этом мире около двух месяцев и, в общем он мне нравился. Вся моя предыдущая жизнь мало чем отличалась от нынешней. Я всегда куда-то двигался и с кем-то сражался: или мысленно, просчитывая варианты сохранения себе жизни и отнимания её у объекта, либо фактически, физически уничтожая противников.

Моей специализацией в том мире являлось управление данным регионом с помощью влияния на преступные сообщества. Управление, – это, конечно, громко сказано, да и был я здесь не один такой представитель СССР. Были ещё и легальные, и полулегальные официальные лица.

Здесь, в Юго-Восточной Азии, с незапамятных времён всем управляли пираты. А Советский Союз был заинтересован в торговых отношениях с «развивающимися странами». Вот и должен был кто-то с пиратами договариваться.

Индонезия, Малайзия, Филиппины, на самом деле являлись пазловой системой, лишь формально объединённой в государственные образования. Фактически же в регионе правили тысячи князьков. С кем-то мы договаривались, с кем-то, попавшим под влияние «пиндосов» не могли.

Вот самых несговорчивых мне и приходилось устранять различными способами и средствами. Играя роль полулегального разведчика – американца, я был допущен в закрытые «клубы» и никто не мог подумать, что преступные лидеры, редко и таинственно исчезающие с арены, уходили согласно моей воле. Я был очень нелегальным и очень нежелательным для них лицом, но никто об этом не догадывался.

Океанский переход настраивал на размышления и я, по старой привычке, решил помыслить стратегически, поставив себе конкретную цель. Цель, так сказать, жизни.

Как я знал, у меня, то есть у Педро, имелась жена и дети. Я, то есть – он, являлся рыцарем закрытого общества – ордена Христа. Я не совсем помнил задачи, которые мне ставил орден, узнав, что я отправляюсь в Индию. Память моя была «однобокой» и просыпалась, отталкиваясь от встречающихся мне объектов: людей, мест или событий.

По тому, что меня в моём путешествии ничего особо конфессионального не заинтересовало, я предположил, что мне поручили что-то вроде «обзорной прогулки», как мы называли на «службе» первичное изучение территории.

Роль теоретического проводника по будущему «театру боевых действий» для нас выполняли знающие местность и обычаи инструктора. Здесь таких специалистов по Индо-Китаю ещё не было. По сути я, если благополучно вернусь в Лиссабон, мог стать таким инструктором для будущих миссионеров. А их, я знал, будет очень много, ведь скоро откроется орден «иезуитов».

Я хорошо помнил, что основную роль в колонизации Юго-Восточной Азии (как, впрочем, и Южной Америки) играла католическая церковь с её институтом иезуитских монахов, не ограниченных в морали и интерпретациях «христовых» заповедей. Принцип ордена Иезуитов: «Цель оправдывает средства», позволял миссионерам использовать различные методы убеждения «аборигенов-язычников».

Эта часть моей «легенды», которой я вынужден следовать, вызывала у меня недовольную гримасу на лице, как только я о ней вспоминал. Я сильно не любил вникать в конфессиональные споры, которые всегда приводили к конфликтам. Часто к физическим с летальным исходом. Особенно в Юго-Восточной Азии. Эта была острая грань кинжала, смазанная маслом.

Но я не понимал своей роли в конфессиональном «замесе». Я не помнил задания, но помнил, что оно было. Не даром Людвиг называл меня рыцарем ордена Христа.

Орден был широко распространён в Португалии. Именно на него и его крепости опиралось христианство, сдерживавшие Мамлюков.

Размышляя о «стратегии бытия», я понимал, что мне придется заниматься чужим хозяйством, любить чужую жену и детей. Какие они? Развестись не получится. Правда, можно удрать в очередную длительную «командировку». Например, с целью достать затонувшие сокровища Альбукерка. Двести сундуков, это очень много денег. Мои мысли снова вернулись от стратегии к банальным затонувшим сокровищам. Двести сундуков! Однако... Кыш! Кыш алчные мысли!

Отгнав морок открытых сундуков, источавших бриллиантовое сияние, я снова углубился в размышления.

Глава 7.

Меня сначала удивило почтительное отношение португальцев к английскому «Джеку»²⁷, но потом я подумал, что не помню, чтобы Португалия и Англия когда-либо воевали в известный мне исторический период. А история международных отношений был моим любимым предметом в академии. Из теоритических.

На своей джонке я, вместо бело-зелёного гюйса тюдоров, вывесил свой родовой герб, пришитый к длинному белому полотнищу. Гобелен с вышитым на нём белым щитом с красным крестом и рыцарским шлемом, нашёлся в одном из моих сундуков.

Из тридцати человек моего экипажа я по «морально-волевым» выделял пятнадцать. Военные моряки и в наши века были теми ещё «моралистами», а уж в эти века, все они были «исчадиями ада» в той, или иной степени. С высокими моральными качествами, в этих коллективах делать было не чего.

Однако, из всего отребья, что я освободил от китайского плена, я выбрал не особо подлых и алчных. Выбирал по нескольким критериям: стабильное поведение во время изрядного подпития, отрицательное отношение к азартным играм, положительное отношение к труду, качество выполненной работы и исполнительность.

Эти критерии оценки личности я вложил моим пяти соглядатаям и к концу стоянки на острове Бутунг уже имел возможность выбора. В Малакке я лучше отфильтровал экипаж, заменив не подходящих мне, на тех, кого раньше перевёл в экипажи других кораблей.

Бытие, определяет сознание, помнил я. А также помнил, что «рыба гниёт с головы», поэтому своим примером демонстрировал «обликоморале», а так же загружал экипаж разумной работой, а именно, шитьём и изготовлением тканевых парусов по образу и подобию нынешних пальмовых и плетением из пальмовых волокон швартовых кранцев.

Надо сказать, что через месяц мы имели прямые, сшитые из двух перекрёстных слоёв хлопчатой ткани, паруса. Однако ставить их не торопились.

Под предлогом восстановления у членов экипажа боевых навыков, в частности абордажного боя, я стал проводить три раза в день занятия по физподготовке, куда включил упражнения на разработку суставов и связок. Годичное сидение на скамье за вёслами привели у некоторых к необратимым изменениям опорно-двигательного аппарата в худшую сторону.

Имея опыт восстановления собственного тела в разные возрастные периоды, я к каждому «ученику» подходил индивидуально и с пониманием, сильно не давил. В основном ходили на полусогнутых и прыгали на скакалках. Благо, верёвок у нас было много. Особо понравились командам коллективные прыгания через длинный канат. Свободного времени было хоть отбавляй и довольно быстро бывшие «сидельцы» довольно сносно передвигались по палубе и вантам.

На восьмые сутки путешествия через Индийский океан мы чуть не налетели на какой-то остров. Хорошо, что он был довольно крут и не имел отмелей. Окружающую Мадагаскар акваторию я в той своей жизни знал плохо. Помнил только, что севернее и восточнее него имеются группы островов помельче. Это указывали и карты, полученные мной от моего дяди Диогу Диаша, открывшим Мадагаскар в тысяча пятисотом году и назвавшем его Сан Лоренсу²⁸. В том путешествии при возвращении и погиб «мой» отец. А Диогу Диаш умер в нашем фамильном замке в одна тысяча пятьсот десятом году, накануне моего отплытия к островам Пряностей.

Этот каменистый отшельник оказался первым из группы «северных» Мадагаскарских островов. Замерив долготу и взяв чуть южнее, мы через двое суток входили в чудесную бухту с обилием впадающих в неё рек и берегами, покрытыми богатой растительностью.

* * *

Мыс Доброй Надежды встретил нас крепким ветром. Волны кипели. Однако ветер был почти попутным, и мы пролетели вдоль южной оконечности Африки за двое суток. Море вокруг нас бурлило и пенилось, ветер истрепал пальмовые паруса, но джонка выдерживала и эту бурю.

Ходовая рубка то и дело наполнялась водой, которая с громким журчанием скатывалась в шпигаты, но это, братцы мои, была настоящая ходовая рубка, только без стеклянных иллюминаторов, но рычаг румпеля был здесь, а не на открытой палубе. При постоянном направлении ветра палубная команда не требовалась, поэтому палуба была пуста, и только волны, пытавшиеся найти в ней брешь, недовольно рыча, перекатывались через корабль.

Такого безумия двух стихий я лично в своей жизни ещё не видел. Опыт Педро присутствовал, но всё же не воспринимался мной, как собственный. А вот я теперь уверенно мог сказать, что видел в жизни почти всё.

– «Как же они проходили ЭТО в ту сторону?! Против ветра?» – Всё время думал я, глядя на бушующий океан.

* * *

Острова Кабо Верде экипаж джонки встретил громким и протяжным «Ура!». Всё-таки это уже были владения Португалии. Мы вошли в залив острова Сантьяго под гордо поднятым флагом короля Мануэла Первого, вышитого на белом холсте одним из наших корабельных умельцев. Жители городка собрались на пристани, наблюдая, как парусник с незнакомым парусным оснащением, но под знакомой короной входит в бухту и без шлюпок движется к пирсу.

– Баковые на бак, ютовые на ют, – скомандовал я. – Кранцы правого борта за борт. Отдать кормовой продольный.

Матросы с помощью длинных абордажных багров накинули толстый канат на столб, вбитый у пирса и наш парусник прижался к причалу кранцами.

– Отдать носовой продольный. Набить концы на кабестанах²⁹.

Команды я намеренно выкрикивал громко и чётко. Экипаж, отработанно действовал. Лишних на палубе не было.

– Швартовка – это зрелище, – внушал я экипажу, – и по тому, как швартуется корабль, будут относиться к каждому из нас. И ко мне, и к вам. Если вы отшвартуетесь, как обезьяны, то и обращаться к вам станут, как к обезьянам. Только портовые шлюхи будут вам в награду. А если вы отшвартуетесь красиво, то, может быть, кому-нибудь достанется и дочь губернатора. В случае грамотной швартовки палубная команда в полном составе уходит в увольнение до утра.

Наша палубная команда в специально выбеленной парусиновой робе выглядела достойно. Сразу после швартовки весь экипаж выстроился под развернутыми вдоль оси судна парусами.

– Экипаж, смирно! – Крикнул помощник и строевым шагом двинулся ко мне.

– Господин капитан! Корабль прибыл на территорию Королевства Португалия – остров Сантьяго!

– Товарищи моряки! Поздравляю вас с прибытием на Родину!

– Ура! Ура! Ура-а-а! – Ответила команда.

Некоторые «морские волки» тихо плакали.

На причале стояла оглушительная тишина. Вряд ли местные жители видели что-либо подобное. Слышались только крики чаек и шум прибоя. Время остановилось. А потом всё вдруг ожило и зрители радостно закричали.

– Вахтенные на вахту. Остальные в увольнение. Разойдись! – Крикнул помощник.

* * *

Капитан Себастиу Алвареш ди Ландим, правитель острова Сантьяго смотрел на меня с подозрением.

– Вы сильно изменились, дон Педро за это время. Вам сейчас, если мне не изменяет память, двадцать семь лет?

– У вас хорошая память, дон Себастиу.

– Вы выглядите значительно старше.

Я подошёл к стоящему в комнате большому «стоячему» зеркалу и посмотрел на себя. На меня из-под прямых, чуть нахмуренных бровей, смотрел суровый взгляд почти зелёных глаз. Плотные сжатые, слегка искривлённые губы, прикрытые усами и бородой, были едва видны. Коричневые, с сединой, длинные волосы спадали на плечи. Мне казалось, что лицо моё должно быть добрым и ласковым, потому, что у меня было хорошее настроение, однако у меня был суровый вид. Я удивился.

– «То-то от меня шарахаются мои моряки», – подумал я.

Я вспомнил, что почти год назад тоже стоял у этого зеркала, но сейчас на меня смотрел немного другой человек. Тот же самый, в этом сомнений не было, но и другой.

– У вас точно были зелёные глаза? – Спросил губернатор.

– Вообще-то, они были карими, но с зелёными крапинками, – сказал я удивлённо.

– Вот и я о том... Такое я видел у хамелеонов. Это такие древесные ящерицы. Их привозят со Святого Лаврентия. Они меняют цвет кожи.

– Я тоже видел таких, но в глаза им не заглядывал, – рассмеялся я. – Хоть бы жена меня узнала, а то домой не пустит.

Капитан порта снова удивился, потом понял, что я так шучу, и тоже рассмеялся.

Мы пробыли на Сантьяго четверо суток. Экипаж отрывался по полной. Я дождался изготовления одежды, заказанной у местного портного, потому что выглядел в своей, уже не по моде. Очень пригодился тот разноцветный шёлк, который я отобрал у китайцев и спрятал от Альбукерка.

На третьи сутки я вернулся на корабль в сине-красном с жёлтым подкладом камзоле, синих, до колен, панталонах, в высоких красных сапогах и красной атласной короткополой шляпе украшенной пером райской птицы.

– Вы шикарно выглядите, капитан! – Не смог удержаться от реплики мой помощник, когда я поднялся на палубу.

Я посмотрел на него своим «нежным» взглядом.

– Извините, капитан, – поперхнулся он.

– Всё нормально, Санчес. Завтра снимаемся. В полночь общая поверка. Опоздавших с увольнения на хозработы. Кроме швартовой команды. Те гуляют до утра.

– Будет исполнено, капитан!

– Принимаю вахту, помощник.

– Вахту сдал, кэп. Могу сойти на берег?

– Можешь. Удачи. Наши в «Красном быке».

Санчес, бывший орудийный подмастерье, бывшая трюмная крыса, а ныне мой помощник и штурман, быстро переоделся в штатское платье и, бряцая палашом, сбежал по трапу.

Он шёл высоко вскинув подбородок, а местные девицы бросали в его сторону томные взгляды и маленькие букетики цветов. Однако Санчеса ждала дочь губернатора.

Я ему мысленно аплодировал.

* * *

В Лиссабон входили не так красиво, но тоже при большом скоплении зевак. Нам пришлось ночь переждать на рейде, пока портовые власти определялись с нашей государственной принадлежностью и портом приписки.

Альбукерк выписал судовые документы на «Ларису» и приписал нашу джонку к порту Малакка. Увидев печать губернатора Индии и островов «Пряностей», как на ней было написано, оба офицера вытянулись по стойке смирно, вернули мне с поклоном бумаги и удалились.

На следующее утро к джонке подгребли шесть парусно-вёсельных ботов и аккуратнейшим образом сняли нас с рейда и приставили к причалу. Наша команда и сейчас не ударила, как говорится, лицом по грязи, и продемонстрировала собравшимся зрителям тот же самый спектакль. С той же театральной паузой в финале, и с тем же самым зрительским эффектом.

Мои моряки, я чувствовал это, получали наслаждение и удовлетворение, как настоящие артисты. Кроме оваций и криков восторга на палубу полетели цветы и крики: «С освобождением!».

Просто я вчера не забыл сообщить портовым властям, что весь мой экипаж состоит из освобождённых португальских моряков, которые несколько лет находились в рабстве у китайцев и этот парусник нами захвачен в бою.

Ещё с борта среди восторженной толпы я увидел человека в монашеском облачении – длинном серо-коричневом шерстяном плаще с капюшоном, спущенном на плечи и каппой³⁰ на голове, того же неприятного цвета. Настроение почему-то сразу ухудшилось. Монах во сне – к проблемам, а наяву...

– «К тому же», – подумал я и, как оказалось впоследствии, угадал.

Монах отвёл взгляд в сторону и положил крест-накрест два пальца правой руки на два пальца левой, а потом наоборот. Увидев, что я обратил внимание на эти знаки, он исчез в толпе. Я пожал плечами. Для меня его манипуляции ничего не значили, как я не напрягал память Педро.

– Стояночная вахта занимается штатными работами! – Крикнул помощник. – Остальные свободны!

Моряки повалили на причал.

Когда толпа любопытных и мои моряки, сопровождаемые желавшими их угостить, исчезли, я увидел ещё одно, явно выделявшееся лицо, богато одетого господина лет тридцати, аристократического вида, стоявшего в окружении ещё троих таких же лиц. У всей четвёрки вид не соответствовал праздничному настроению убывших граждан.

Несколько раз бросив на меня взгляд, вся четвёрка подошла к борту «Чайки», а отмеченный мной, как лидер, господин обратился ко мне несколько хамовато.

– Дон Педро, если не ошибаюсь? – Спросил он. – Вы несколько изменились.

– Да. Чем обязан? И главное, – кому?

– Вы не узнаете меня? – Удивился говоривший. – Я – Дуарте де Менезеш, губернатор Танжера.

– И чем я могу вам быть обязан?

– Как? – Возмущённо воскликнул тот. – Вы оскорбили меня!

– Когда? – Удивился я. – Каким образом?

В моей памяти не было ни намёка на конфликт с этим дворянином.

– Накануне вашего отплытия в Индию вы в присутствии моих друзей, – он показал рукой на стоящих чуть поодаль молодых господ, – высказались обо мне, как о недостойном правителе Танжера. Вы сказали, что должность мне перешла по наследству от моего отца, а не за мои заслуги.

– А это разве не так? – Спросил я, что-то вспоминая. – Но, честно говоря, я в этом путешествии был немного контужен ударом ядра, и слегка потерял память. Я не помню ничего подобного.

Мне совсем не хотелось омрачать дуэлью день прибытия.

– Вы оскорбили меня, и я требую удовлетворения.

– Уважаемый дон Дуарте, если я не помню, как я вас оскорбил, как же я могу дать вам удовлетворение? – Грустным голосом сказал я.

– Но это слышали мои друзья! Они могут подтвердить!

– Ну... – Скривившись сказал я. – Мало ли кто что может сказать...

– Вы... Вы называете нас лжецами?! – Возмутился один из «друзей».

Тут я понял, что «попал» ещё на три дуэли, и решил, что дальше нет смысла разводить «дипломатию» и пошёл на откровенную подлость.

– Господа! – Рассмеялся я. – Ведь если я скажу, что вы называли дона Дуарте «папиным сынком», он вынужден будет вызвать на дуэль и вас. Я ведь не наговариваю на вас, господа, и всё это правда?

Дон Дуарте оглянулся на понурившихся господ.

– Чёрт! – Выругался он. – Я вызываю вас господа! Всех троих! – Он качнул головой в сторону ошеломлённых интриганов. – Но это ничего не меняет!

Он вздёрнул подбородок вверх и его короткая, но широкая бородёнка уставилась мне прямо в лицо, а тонкие усики встопорчились от сморщенного в гримасе крупного носа.

– Меняет, дон Дуарте. То, что я о вас говорил, я не помню. И этим господам не верю. Они наговаривают на меня. Поэтому, если вы желаете со мной драться, вы должны оскорбить меня, и я приму ваш вызов.

– Вы подлец, Дон Педро!

– Прелестно. Я не согласен с этим утверждением и считаю его ложным. Поэтому я вызываю вас на дуэль для удовлетворения своей чести.

– Где и когда?! – Воскликнул мой будущий оппонент.

– Ну... Не торопитесь так. Сейчас вы сначала должны получить удовлетворение от этих господ, так как вызвали их раньше меня. Кодекс чести, дон Дуарте.

– Чёрт! Чёрт! И чёрт! – Выругался он. – Тысяча чертей! Проклятый хитрый Тамплиер!

– За оскорбление ордена я мог бы убить вас прямо здесь, без церемоний, – сказал я, доставая из оружейного ящика и кладя на фальшборт пицаль. – Лучше вам уйти, господа. Жду вас завтра здесь же на пирсе в течении дня. Полагаю, за это время вы, господа, решите ваши спорные вопросы. Честь имею!

Я приложил пальцы правой руки к полям шляпы.

Они ушли, постоянно озираясь на меня. Мне было неприятно, за моё поведение, но я успокаивал себя тем, что формально я не сделал ничего недостойного и предосудительного. Просто ответил подлостью на подлость. Да и дуэли, как я узнал за время пребывания в этом мире, не отличались, оказывается, благородством вообще.

Дуэли были судебные и военные. Чаще для выяснения отношений пользовались вторым способом убийства, который предполагал любые действия, что приводят к летальному исходу. Хоть удар в спину, хоть выдавливание глаз. Допускались самые подлые приёмы.

Плюс, надо понимать, что я не дуэлянт. Я убийца. И чаще всего тайный. Одно дело ворваться с ножами в толпу не ожидающих нападения и такой, как у меня, шустрости, воинов, а другое дело, когда один на один против шпаги, или длинного меча, орудовать которыми я ещё толком не научился. На палашах господа не дрались.

Общие принципы и приемы владения длинным оружием, типа «палка», для меня были понятны и известны, но особенности и специфика безусловно были.

И ещё... Шансов остаться в живых после поединков с четырьмя опытными дуэлянтами по очереди у меня не было, а умирать так рано в мои планы не входило.

– «Не для того всю жизнь учился выживать, однако», – подумал я, и совесть моя успокоилась. Она привыкла мне подчиняться, хоть иногда и вздыхала, тихо плача в уголке.

Весть о том, что мне предстоит сразу четыре дуэли разлетелась по экипажу быстро. Сначала по вахтенной службе, а потом и по остальным морякам, гулявшим здесь рядом в портовом кабаке.

Уже через полчаса пришёл встревоженный помощник, а следом за ним боцман.

– Что случилось, кэп?

Они были пьяны, хотя не прошло и часа их увольнительной. Я нежно и ласково, как могу только я, объяснил им, что, то что случилось, это не их моряцкое дело, а моё – дворянское. Они сразу всё поняли и очень быстро ретировались, схватившись под руки и бурча, что за капитана всем дворянам Лиссабона перережут глотки.

Пока я стоял, облокотившись на борт и раздумывал о «завтра», появился давешний монах. Он подошёл ближе, глядя больше в брёвна причала, чем на меня, и, не поднимая глаз, сказал:

– Вас что-то задержало, командор?

– Дворянский этикет, брат.

– Следует поспешить, командор. Нас ждут. Следуйте в отдалении, – сказал он и, по-военному развернувшись, маленькими шагами пошёл через торговую площадь.

Я едва успел сбежать по трапу и найти глазами его в рыночной толпе, и пошёл следом, пытаюсь не потерять фигуру в коричневом плаще с накинутым на голову капюшоне.

Мы прошли весь Лиссабон от порта на северо-восток. Высокие дома буквально мелькали мимо, с такой скоростью шёл монах, а я почти бежал, периодически отступаясь, на качавшейся под ногами мостовой. Вероятно, бежал и он, но под длинными полами плаща это было не заметно. Наконец, свернув в узкую улочку и нырнув в предупредительно распахнувшуюся перед монахом дверь входа в какое-то здание, я остановился, переводя дыхание.

Глава 8.

Мои ежедневные тренировки явно были недостаточны для выбранного монахом темпа.
– «Всего-то километра два спортивным шагом пробежали, а я уже задышал», – с сожалением подумал я.

– «И ведь не побегаешь тут по улицам для тренировки. Не поймут. Да и нигде не побегаешь. За идиота примут», – так думал я, быстро идя вслед за монахом по узкому коридору.

Я думал, что мы пришли, ан нет, бег не прекратился, а лишь переместился в подземелье. Сухие и узкие, отходившие в разные стороны, коридоры мелькали справа и слева.

– «Попал», – промелькнула мысль.

Я взял ритм и строго контролировал дыхание. Коридоры, по которым мы бежали, имели положительный уклон, то есть взбирались вверх. Несколько дверей, попавшихся нам, открывались и закрывались «автоматически» после того, как монах просовывал свою правую руку в отверстие в стене.

Наконец мы остановились у двери, возле которой монаху пришлось засунуть руки в два стеновых отверстия одновременно и он простоял так некоторое время. Дверь отворилась на сантиметров сорок и встала.

– Дальше идите сами, – сказал монах. – И торопись. Время пароля заканчивается.

– «Ух ты!», – подумал я, с трудом протискиваясь в щель. – «Толстяки здесь точно не ходят».

Далее коридор походил на коридор замка, как я его представлял: чуть повыше и пошире. Вдоль его стен стояли люди в серых плащах. Обеими руками они опирались перед собой на большие прямые гарды длинных прямых палок с небольшим металлическим набалдашником наверху. Палки были похожи на мечи, но это были палки. Лиц под капюшоном было не разглядеть.

Коридор вывел к двустворчатой двери, распахнутой передо мной двумя монахами. Я вошёл в светлый зал с вертикально вытянутыми окнами и встал у входа переводя дыхание.

* * *

Мы с магистром ордена Христа сидели перед зажжённым камином и согревались горячим винным напитком. В каменных залах замка было прохладно. Всё основное было уже сказано. Я слегка расслабился. Многого теперь мне стало ясно, многое вспомнилось, но поселилась и тревога. За мою жизнь.

– Как вам вообще Индия, Малакка, понравились? – Спросил магистр. – Как там люди?

– Долгое влияние арабских торговцев и султаната сделали их похожими на нас, но в большей степени они остались дикарями. Они очень похожи на африканцев, магистр.

– Понятно. Мне сказали, что вы были свидетелем оскорбления Ордена Христа.

– Да, сегодня, перед нашей встречей.

– Мы покараем нечестивца. Но, как вы должны понимать, причина не в ваших отношениях с господином Дуарте, а в наших взаимоотношениях с госпитальерами, похитившими часть наших... Нашего имущества. Это давний конфликт. Жаль, что вы не нашли в том месте ничего. Жаль. Будем расшифровывать скрижали дальше. Но зачем же тогда вас сбросили за борт, брат?

– Я думал об этом. Вероятно, для того, чтобы вы потеряли время на повторную проверку и послали ещё одного...

– Возможно-возможно. Но вы всё-таки попытайтесь вспомнить всё очень подробно, что с вами было и изложите это письмом. У нас есть способы вам помочь вспомнить, но... Не хотелось бы вас калечить.

Магистр по-доброму посмотрел на меня и по моей коже прошлась изморось и вдруг хлынул холодный пот. Моя одежда взмокла вся и сразу.

– Вы не совсем правильно меня поняли, – усмехнулся магистр, видя, что его слова произвели на меня нужный ему эффект. – Я имел ввиду напитки, раскрывающие скрытое в глубине памяти. Они у нас есть, но они часто приводят испытуемого к сумасшествию или к привыканию. Мы проводим много исследований таких веществ по воздействию на сознание. Братями достигнуты удивительные эффекты прозрения и даже, не побоюсь сказать, соединения человеческой сущности с божественным. Госпитальеры, кстати, пытаются похитить секреты наших снадобий. Так что, брат, напрягите память.

Я отхлебнул из серебряного кубка, пытаюсь смочить пересохшее горло. Давно мне не было так страшно, как в этот раз. Крут, магистр, ох крут! Как он меня поймал на обратной волне...

– Я готов, магистр, хоть на дыбу, хоть куда ещё, во имя Ордена.

– Это хорошо. Но вы подумайте, повспоминайте. Вы свободны, брат. Пока, – сказал он, и по моему телу снова пробежала дрожь.

* * *

Монах ждал меня у двери, вероятно смиренно проведя всё это время в молитвах. В таком же темпе мы пробежали по туннелям, и выскочили из той же двери.

– Вам туда, – сказал монах и показал на право.

Когда я вернулся на джонку, темнело. Возвращавшийся из увольнительной экипаж продолжал веселье, то и дело переходившее в танцы, на причале, собирая вокруг себя желающих бесплатно выпить. Кувшины и бутылки с вином переходили из рук в руки. Но когда пробили полные склянки, последний моряк шагнул на палубу и тут же свалился.

Я смотрел с юта на валяющиеся на палубе спящие тела с теплотой в душе.

– Как дети. Засыпают там, где сморит сон. И тянет моряков к тому же – к тёплой женской груди, – усмехнулся я.

Они были отличные ребята, мои моряки. Я был рад за них, что они снова вернулись домой. И да, половина из них спишет с корабля и вернётся к родным и близким. А мне придётся донабирать экипаж и доделывать не сделанное дело. Хотя, наверное, эта хитрая рыжая морда Людвиг уже сделал его за меня. Я снова погладил обратную сторону тонкого пергамента карты пальцами и ощутил на нем выступы от проколов иглой.

– Прокол на проколе, – пробормотал я. – Но мне же простительно... Я же не в своём уме.

Теперь я понимал, почему я оказался на Английском паруснике с соответствующими документами от короля Англии Генриха Восьмого. Вспомнил, как мы заходили в Джиду – порт Мамлюкского Султаната, куда заход португальским судам был закрыт. Вспомнил, как вручал губернатору письмо Генриха Восьмого для султана Кансух аль-Гаури и свои верительные грамоты.

Вспомнил, как посещал гробницу Хаввы, прародительницы всего человечества, и как пытался найти, помеченные на карте ориентиры, привязанные к ней.

Я высчитал нужное мне место, но на нём стояла не ещё одна гробница – некрополь Марии, как было указано на карте, а чьё-то заброшенное жилище. Выгрузив порох – подарок султану от «Генриха Восьмого» – мы простояли в Джиде трое суток, а я перерыл в «сакле»

и под ней весь песок. Единственной пользой от нашего захода в этот порт стала зарисовка строящейся вокруг города крепости.

Но, узнанное мной, меня, как не странно, не смутило. Интриги и приключения, это самое моё. А тут, оказывается, ещё и вражда между монашескими орденами. То, что доктор прописал от скуки.

* * *

– Рассказывай.

– Все четверо прошли в постоялый двор «Пьяная Лошадь». Это на запад от порта в трёх кварталах. Они сели за стол и заказали вина и мяса. Мы тоже вошли следом и тоже заказали. Они сидели мирно разговаривая, но примерно через три склянки дон Дуарте, вдруг ударил сначала одного кинжалом в горло, потом другого, но попал ему в плечо. Третий господин ударил дон Дуарте кинжалом в спину, а второй добил его ударом кинжала в грудь.

– Какие благородные люди, – сказал я, чуть качнув головой. – Какие здесь удивительные порядки! Рыцарские кодексы забыты? И что дальше?

– Дальше пришла городская стража и увела двоих господ с собой, а за двоими вскоре приехали на повозках родственники. Но, похоже, тем первым ничего не будет. Они с Дуарте подписали соглашение о добровольном поединке.

– Понятно. Молодец Кортес. Иди отдыхай.

Теперь у меня осталось два соперника, но вызова я от них не получал, поэтому мог распоряжаться собой по своему усмотрению. И я пошёл спать.

* * *

Однако утром распорядиться собой по своему усмотрению я не успел. Едва рассвело и пробили шестичасовые склянки общей побудки, вахтенный крикнул:

– Аларм!

Я с удивлением прислушался. Ничего. Прикрыл рассматриваемые мной карты скатертью. Аккуратно выглянул из двери каюты на палубу и увидел на причале группу военных, а на палубе своих вооружённых до зубов матросов.

Моя каюта занимала всю верхнюю кормовую палубу. Китайцы народ щепетильный и свою знать предохраняют от контактов с рядовыми гражданами. Так и на корабле. Рулевое отделение находилось на уровне шкафута. Выше находились офицерские каюты. Ещё выше – каюта капитана корабля и особы, приближённой к императору. Корабль явно делали по спецпроекту.

Верхние каюты имели свои индивидуальные выходы, но соединялись дверью. Впрочем, назвать каютой апартаменты посла у меня желание пропало, как только я вошёл вовнутрь. Три основные комнаты и две для прислуги занимали девяносто процентов площади кормового пространства, а это около трёхсот квадратных метров. Каюта же капитана по размеру была не больше моей на каракке.

Так как прислуги у меня, как и самого капитана, не было, вся верхняя палуба кормовой надстройки принадлежала мне. Но ни помощник, ни младшие командиры не роптали, потому что по сравнению с условиями на европейских кораблях, они жили в шикарных. Все тридцать человек экипажа спокойно размещались в кормовой надстройке. Поэтому наши трюма были под завязку забиты товаром и припасами.

Так вот... Высунувшись с правого борта наружу и оценив ситуацию, я прошёл в каюту капитана и вышел с левого борта на парадный трап и спустился в поджидавший меня ялик. Дел сегодня у меня было по самые гланды, и начинать его с банального поединка, причём с плохо предсказуемыми последствиями, мне не хотелось.

Тихо отчалив от борта, мы потихоньку перешли к другому причалу, где я высадился и, сев в ожидавшую меня там коляску, покатыл в город.

Лиссабон уже не спал. Узкие улочки его были полны пешими, конными людьми, и гружёнными повозками. Водовозы имели преимущество при разъездах, о чём я узнал от своего возницы, которого пытался заставить нарушить правила дорожного движения.

Я торопился повидаться с семьёй, которая не видела меня почти год. И неизвестно сколько ещё нам придётся быть в разлуке. После всех раздумий: «быть, или не быть», я всё же решил, что семья Педро не виновата, что так получилось, что вместо него пришёл в этот мир я, а во вторых, с тем богатством, что уже сейчас есть у меня даже до продажи муската и других пряностей, я один с ним не справлюсь.

А просто проедать деньги мне не хотелось. Я знал, что никаких богатств не хватит надолго, если их просто тратить на жвачку и на шумуё. А те несколько проектов, которые можно было реализовать с перспективой получения дохода, одному мне было не потянуть.

Я ехал в город Аленкер, где стоял наш полуразрушенный в войнах с маврами родовой замок ордена Храма, где проживал мой старший брат, и находился дом, подаренный моему отцу королём Мануэлом за открытие прохода в Индию. В доме проживала моя семья. Я лично перед короной ещё ничем особым не отличился, потому наградами пока не отяжелён.

Как я понимал, моё путешествие в Индо-Китай, было моей личной инициативой. Вернее, инициативой англичан, пытавшихся убедить моего дядю «прокатится» на их кораблике в Индию и подальше, дабы разведать маршрут к островам специй.

Дядя уже дал было согласие, и взял аванс, но, в то же время, взял да и умер. Брат Сиаму пока все остальные родственники «мореходствовали», занимался родовым хозяйством и, естественно, в мореплаватели не годился, а я получил судоходное образование и сходил несколько раз с отцом до крепости Сан-Жоржи-да-Мина, куда отец был назначен комендантом. А на обратном пути Вашко да Гама из первого похода в Индию я возвращался в Лиссабон на его корабле и был допущен к офицерскому столу, где наслушался много чего. После этих путешествий я и возомнил себя опытным капитаном.

Узнав о том, что я собираюсь в дальнейшее путешествие, орден дал мне поручение проверить информацию о спрятанных госпитальерами храмовых реликвиях. Поручение я выполнил с отрицательным результатом. Реликвий в указанном месте не оказалось.

Закупил товары для обмена на специи я на оставленные мне отцом деньги. Брат вкладываться в рискованное путешествие не хотел. Да и не было у него лишних денег, поэтому всё привезённое мной имущество, добытое непосильным трудом, принадлежало мне в полной мере. Кроме, естественно, десятипроцентного налога короне и такой же доли ордену.

Перекупщики, оккупировавшие вчера мой корабль называли такие неприличные цены за мой товар, что я, пересчитав итог, подумал, что потерялся в нулях, как в лесу.

До Аленкера было около сорока километров, что по грунтовой разбитой дороге в раскачивающемся на кожаных ремнях экипаже было чрезвычайно долгим и утомительным путешествием. Укачивало намного сильнее, чем в море. Намного сильнее, господа. Я многократно пожалел, что не нанял кобылку. Но это позволило мне немного пробежаться, когда ком в горле подкатывал. И возница отнёсся к такому чудачеству с пониманием.

Развалины замка, стоящие на высоком холме, показались издалека. Зашемило сердце. Воспоминания детства нахлынули. Я удивился.

Городок был совсем крошечным. Только совсем недавно его большая часть перешла короне в рамках секуляризации. В том числе и дом, который потом был возвращён моему отцу, как королевский дар.

Но это было и хорошо. Замок, всё же принадлежал Ордену, а мой дом уже мне лично. Булла папы Александра Четвёртого Борджио, освободила рыцарей от нестяжательства и мы могли заниматься коммерцией.

Дом стоял на берегу у моста через реку, а замок занимал оба холма и когда-то представлял собой многолучевую звезду. Вернее, это был уже не замок, а город, многоярусные стены которого сейчас стояли разрушенными. Непрístupным и непокорённым остался только сам замок – квадратное строение с четырьмя круглыми башнями по углам.

Орденские традиции здесь чтились. В этом городке родились многие известные мореплаватели, потому что вместе с традициями тамплиеров из поколение в поколение переходили и знания, и артефакты, например – карты, корабельные журналы.

Воспоминания нахлынули, как развернувшийся от сильного ветра отлив. В моей голове закипели мысли и чужие слова, лица родственников и мои детские шалости.

Дом встретил радостным гомоном и праздничной суетой. Лошади ещё не остановились, а ко мне уже бежала маленькая девчонка лет шести. Выпрыгнув из коляски и подхватив дочку на руки, я закружил её в воздухе.

– Папка, отпусти! – Закричала она. – Боюсь!

Я отпустил и нырнул в коляску.

– А вот кого-то кто-то съест... – Сказал я и достал плетёного из пальмовых волокон варана. Довольно милого на вид.

– Ой Дракоша! – Дочка подхватила подарок и побежала к матери.

Жена стояла, опустив руки вдоль тела, и пристально смотрела на меня. Я подошёл и поцеловал её руку. Ни обниматься, ни, тем более, целоваться, дворянам на глазах у дворни было не принято. Как и высказывать иные эмоции.

Подошёл брат и обнял меня. Ему было около сорока.

– Вернулся! – Проговорил он, и мне показалось, не очень радостно.

Я усмехнулся.

– Мускат привёз?

– Привёз.

– Много?

– Мне хватит! – Несколько грубовато ответил я.

Меня взбесило. Ни тебе: «Как здоровье?», «Как дела?».

– Как дела, Жуана? Все здоровы?

– Да, дорогой. И Мальчик тоже, – сказала она тихо, показав на кормилицу с малышом. – Мы назвали его, как ты хотел. Сегуро31. Проходи в дом.

Кормилица поднесла малыша, и я взял его на руки. Бог не дал мне детей в той жизни. Слишком она была беспокойной. Здесь я ошастливлен сразу двумя. Однако... В здешней анти-санитарии... Я погрузился. Да... Многие знания – многие печали...

Отгнав чёрные мысли, я пошёл в дом, чуть ускорив шаг и оттеснив плечом выдвинувшегося вперёд старшего брата. Тот, не ожидавший толчка, сбился с шага, остановился и пропустил меня в дом первым.

– «Что за накуй?! – С негодованием подумал я. – Кто в доме хозяин?»

Уверенно поднявшись по лестнице на второй этаж, я вошёл в большой зал с узкими мозаичными цветными окнами, в центре которого стоял стол.

– Мне бы сполоснуть руки с дороги, – вспомнил я, но тут же увидел стоявшую с кувшином и полотенцем прислугу.

Отдав малыша, я умылся над медным тазом и первым сел за стол. Брат стоял чуть в стороне. Показав рукой, я пригласил всех к столу.

Глава 9.

– Ты изменился, – сказал брат, когда мы, после обеда, прошли в мой кабинет, уставленный навигационным оборудованием, глобусами и увешанный мной лично нарисованными картами.

– Я убил около сотни человек лично вот этими руками, – сказал я, устраиваясь в кресле. – И это не гипербола, а факт. Точнее – восемьдесят два. Я несколько раз тонул, был два раза контужен и чуть не съеден большим ящером.

– Но... Ты сам, по своей воле отправился туда! – Воскликнул брат.

– Я и не виню никого, – усмехнулся я. – У меня всё удивительно хорошо! Я вернулся живой и невредимый. И сказочно богатым.

– Но почему ты меня... Я твой старший брат.

– Я тебя уважаю, брат, но ты, вероятно забыл, кто в этом доме хозяин? И забыл кодекс чести. Я мог бы тебя убить сразу ещё внизу. Ты оскорбил меня. Но мы братья.

Сиаму потупил глаза и зарделся.

– Прими мои извинения, брат. Я не хотел тебя оскорбить.

– Пустое. И ты прими мои извинения, брат. Как жилось?

– Сложно. Слишком большое хозяйство, а денег не приносит. Отдал сефардам в аренду ещё несколько сотен вар земли. Иначе никак.

– Правильно сделал. Надо всё отдать, если берут. Старые крепостные стены снести, а из камня построить новые дома и продать их сефардам.

– Что ты! А вдруг война?

– И что? Ты один будешь защищать эти стены?

Сиаму удивлённо вскинул глаза на меня.

– А горожане?

– Твои сефарды?!

– Не только сефарды... Наши родичи.

– И сколько их осталось? Все рыцари открывают или завоёвывают новые земли. Некому защищать стены. Да и не от кого.

– Что, войны закончились? – Усмехнувшись спросил Сиаму.

– У нас пока да. Испании не до нас. Она в Америке увязла и с английскими пиратами борется, а мы в Африке, да в Индии воюем. Там все свои силы и положим.

– Не пойму я тебя, брат. Ты что предлагаешь?

– У нас тут земли нет, а ртов – двести домов, – сказал я в рифму. – Земли Ордена король скоро отнимет, и придётся у него выпрашивать, то, что принадлежало нам веками. Предлагаю осваивать новые земли.

– В Индии, что-ли? – Саркастически усмехнулся Сиаму.

– Нет. В Новом Свете. Помнишь, что отец рассказывал про новые земли?

– Смутно. Это ты вслушивался в их морские рассказы, а я нет. Мне было не до путешествий. Уже с пятнадцати лет всё было на мне. Даже когда отец был дома, его, фактически, не было.

Я посмотрел на брата и понял, что ему не до новых земель. Взгляд его был затуманен житейскими проблемами.

* * *

– А почему у тебя глаза стали зелёными? – Спросила Жуана ночью. – Разве так бывает?

– Значит бывает, – сказал я. – Что-то сломалось во мне, когда я тонул. Наверное, вода через глаза стала выливаться из меня.

Я рассмеялся и крепче прижал её.

– Не нравится? – Спросил я.

– Красиво... И вообще ты стал... Твёрже. Крепче.

– Но это же хорошо? – рассмеялся я.

– Хорошо, – рассмеялась она и поцеловала меня в шею.

Я был действительно крепок во всех отношениях и утомонились мы лишь под утро.

– Жуана, надо бы позвать Ицхака Лаурию к нам в дом.

– Сальвадора?

– Да-да. Забыл, что он уже давно Сальвадор.

– Я пошлю за ним.

Ицхак Лаурия, бывший местный раввин, пришёл к нам в дом минут через двадцать.

– Приятно вас видеть в здравии дон Педро.

– И я рад вас видеть, рави.

– Что вы, что вы, дон Педро! Какой я раввин? Мы искренние христиане, дон Педро. Как ваше путешествие? Как гешефт?

– Гешефт так себе. Сколько сможете купить пряностей?

– А у вас сколько?

– Корабль.

– У вас, я слышал, большой корабль. Сколько в нём? И чего?

Я сказал. Ицхак смотрел на меня долго и внимательно.

– У вас странные глаза, дон Педро...

– Не отвлекайтесь, рабе.

Он потеревил жиденькую бородёнку, потом снял кипу и промокнул пот чистым большим платком, вынутым из рукава.

– Ещё не забудьте мою доброту, рабе. Я мог бы продать всё Лиссабонским сефардам. Они меня вчера очень уговаривали.

– Я могу накинуть к их цене ещё...

Мы торговались около часа. Рабе несколько раз уходил и снова возвращался. Наконец мы скрепили договорённость кивками и сакраментальной фразой:

– Ну, хорошо...

– Ну, хорошо...

Рабе глянул с прищуром на меня и спросил:

– И где можно посмотреть товар?

– И где можно посмотреть деньги? – Спросил я.

– И что на них смотреть? Деньги – всегда деньги. А вот товар...

– Меня бы устроили английские золотые соверены³².

– У вас есть своё хранилище?

– Я бы не стал сразу брать всё, а оставил их на депозите.

Слово вырвалось произвольно. Ицхак глянул на меня с большим интересом.

– Под какой процент?

– А сколько дадите?

Сефард поблел.

– Думаю, сговоримся. Таки, товар смотреть будем? Закладывать повозку?

– Зачем? Товар здесь. Вон, три баржи стоит у пристани.

Сефард вздрогнул и меленькими шагками, чтобы не споткнуться в узких полах халатика, посеменял на балкон. Мы вышли. Практически у стен дома стояли три баржи с моим товаром.

– Вы сумасшедший! Это же целое состояние! – Крикнул сефард и выбежал из дома.

Сразу после сделки купли-продажи я уехал в Лиссабон. Жена особо не горевала и куда еду не спрашивала. Собрала в дорогу, поцеловала на прощание и «гудбай». Деньги теперь у них были. Что ещё нужно для счастья бабе? Только ещё больше денег.

Тайна сделки скрыла от всех сумму полученного мной капитала, как и номенклатуру и объём проданного мной товара. Мешки и мешки. Кто его знает, что там находилось?

Я оставил немного денег брату, но предупредил, что содержать городские укрепления не намерен и денег больше не дам.

Джонка моя стояла на рейде. А на её борту меня ждали два сюрприза. Первый – приглашение меня по прибытии в Лисбо в королевский замок Святого Георгия, где находилась резиденция его королевского величества, а второй – это то, что остаток товара, а именно двадцать процентов от всего нажитого, бесследно исчез.

– Они ворвались на борт и искали вас, капитан, – рассказывал помощник, потупив взгляд. – Мы, как вы приказали, убивать никого не стали и оружие сложили. Убедившись, что вас на борту нет, они взломали печати на трюмах и вынесли товар. Под предлогом получения от вас удовлетворения за нанесённое вами оскорбление.

– Это те два недобитка? – Спросил я у Санчеса, стоявшего тут же.

– Да, кэп.

– Документы об ответственном хранении ценностей, отнесённых к налоговым сборам не утрачены?

– Никак нет, кэп, – ответил помощник.

– Заявили о хищении?

– Так точно, кэп. В тот же день в ратушу.

Ещё в день прибытия в порт мы с портовыми службами рассчитали по коносаментам, какое количество товара отходит казне, а какое церкви, и отложили этот товар, оставив его в трюме на «ответственное хранение». А оставшуюся большую часть мы перегрузили на зафрахтованное судно ещё на рейде и отправили вверх по Тежу до впадения в неё Аленкер, а там баржами до моего дома.

Ну что ж, подождём приставов.

Я переждал, вздремнув, сиесту, переоделся и отправился на аудиенцию к королю.

* * *

– Значит, вы самолично нашли острова пряностей? – Спросил Мануэл.

– Да, ваше королевское величество. Я и капитан Людвиг Ван Дейк. Но по моим картам. На них мы нанесли и множество других островов, указав не только широту, но и долготу.

– Вы нанесли долготу? Каким образом вы её высчитывали?

– По звёздам и по луне, сир, – соврал я.

– Потом научите, – почти приказал король. – Вы единственный, кто доплыл до островов Пряностей?

– Похоже, что так, сир. Три корабля, ранее отправленные доном Альбукерком, где-то затерялись, – ещё раз соврал я.

– Тогда вам причитается обещанный мной приз. Знаете о нём?

– Нет, сир.

– Вы можете выбрать участок земли в новых землях и учредить на нём капитанство с присвоением вам дворянского титула «граф».

– Позволю заметить, сир, что король Жуан присвоил моему батюшке титул графа Новаиш по месту подаренных ему земель в Синегале. Этот титул, вместе с землями, теперь отошёл мне, как брату титул графа Аленкер. Своим титулом я владею уже десять лет, сир.

– А у вас есть средства, чтобы выкупить титул маркиза?

– Есть сир.

– Слышал-слышал... Сколько вы сдали в казну пряностей?

– Пока не сдал, сир. Их похитили.

– Что значит похитили? – Удивился король.

– Некие лица напали на судно и под угрозой оружия вынесли лежащее на хранении казённое имущество. Несмотря на то, что их о том предупреждали.

– Что за бред! Кто посмел?

– Один из них, предположительно, Мартин Афонсу де Соуза, второй – Перу Лопеш де Соуза.

– О! Я их хорошо знаю! Они выросли при дворе! Это дети известного дворянского рода. И что их сподвигло на это безумство?

– Они о чём-то поспорили прямо на причале. Там были ещё известные мне: Дуарте Мезенш и Перу де Гойш да Силвейра.

– И эти господа убили Дона Дуарте на дуэли. Я слышал об этом. И?

Лицо короля стало более заинтересованным.

– Вероятно, они решили забрать имущество, находящееся на моём корабле, воспользовавшись моим отсутствием.

– Но им же говорили, что оно казённое.

Я пожал плечами.

– Мне сложно думать за них.

– И что вы намерены предпринять?

– Вернуть ваше имущество, сир. И имущество церкви.

– Вот мерзавцы! – Воскликнул король восхищённо. – Ну да ладно... С этим вы разберётесь сами.

Он посмотрел на меня чуть улыбаясь.

– Так какие земли вы бы хотели получить, маркиз? – Спросил он.

И король сильно удивился, услышав, что я хотел бы заняться освоением земель в Южной Америке, ещё до конца даже не нанесённой на карту. Я выторговал у него территорию между пятнадцатым и двадцать пятым градусом южной широты. Выторговал, это грубо сказано. Король убеждал меня взять земли в более «цивилизованном» месте в Индии, например, или Африке, присоединив к уже имеющимся моим землям в Зимбабве ещё кусочек.

Африку с её мухой «це-це» я физически не перевариваю. Бразилия, тоже... Тот ещё лакомый кусочек, с её хищными тварями в озёрах и реках, но... Я знал, где там есть золото и алмазы. Много золота и много алмазов.

Как-то туристом в две тысячи первом году я ездил в Рио-де-Жанейро и проклял всё. Туда не ходи, сюда не ходи, снег башка попадёт. Купаться нельзя – крокодилы, гулять одному нельзя – хулиганы на каждом углу. Вернее, за углом. И если бы не поездка в городок Ору-Прету, где нам позволили самолично добыть себе в подарок алмаз, путешествие можно было бы списать в негатив.

Я потом долго рассматривал эту местность на интернет-карте и четко помнил направление от Рио на эти залежи золота и алмазов. Да и координаты я точно запомнил: 20.23.08 и 43.30.29. А потом я понял, что слово Ору означает по-португальски – золото и нашёл на карте ещё несколько городков с таким названием: Ору Бранко, Ору Фину, Ору Эсти. И я сейчас чётко представлял, где они находятся. С приближением километров пять.

Приставы приплыли утром и увезли меня и помощника на суд.

* * *

– И так, дон Педро, вы утверждаете, что эти господа совершили разбойное нападение на ваш корабль?

– По словам моего помощника именно эти господа напали на мой корабль, ваша светлость. С применением оружия. И именно их я видел накануне возле моего корабля. Я могу предположить, что в первый раз они проводили разведку, ваша светлость.

– Это враки! – Крикнул младший Соуза, Перу Лопеш. – Он оскорбил нас, и мы пришли вызвать его на дуэль.

– Я с удовольствием приму ваш вызов, дон Перу.

Судья остановил меня.

– Это потом... Но причём здесь имущество короны? Вам же показывали документы с королевской печатью. Показывали? – Спросил судья. – И не смейте лгать!

Оба Соуза вздёрнули подбородки. А старший сказал.

– Да, нам показывали. Но я посчитал, что это уловка этого проходимца.

– Но товар был опечатан сургучной королевской печатью! Как вы могли её сломать?! – Опешил судья.

– Мы были не в себе. Пьяны. Мы пили всю ночь после смерти Дуарте. И мы были слишком злы на дону Педро. И мы приносим ему свои извинения. Мы вернём ему товар.

– Это не товар маркиза де Жанейро! Это товар королевской казны, господин Мартин Афонсу де Соуза, и ваши извинения может принять только его величество король, но его величество лично уведомил суд, что считает недостойным подобное обращение с королевскими печатями. Это попрание символов государственной власти. Королевской чести, если хотите.

Судья показал на сломанные печати на нескольких, стоящих рядом мешках. И тут братья поняли, что попали по-крупному. Им и их поделщикам грозил королевский топор.

– В крепость их! – Распорядился королевский судья.

* * *

Началась суета по подготовке экспедиции в Бразилию. В это время первоначальное название Вера Круз стало превращаться в Тера Бразилия, или земля Бразилии. Бразилией называлось дерево, заготавливаемое на её берегах и используемое в качестве красного красителя для тканей. Заготовки древесины наладил сефард Фернан де Лоронха по королевской лицензии, закончившейся в том 1512 году.

В апреле-мае 1503 года Лоронха снарядил экспедицию из шести кораблей под командованием капитана Гонсало Коэльо, в сопровождении Америго Веспуччи, для разведки побережья Бразилии и создания складов-фабрик для сбора заготовленной древесины. Четыре из пяти фабрик находятся на моих землях. При фабриках имелись форты с португальскими работниками. Не менее двадцати четырёх человек по нормам фортификации. Если Лоронха не увёз их на свой остров, конечно.

Получив от короля Мануэла побережье до пятнадцатой параллели, я формально не нарушал границ Фернана, потому, что он базировался на подаренном ему королём острове, находящимся на третьем градусе. Я понимал, что хоть лицензия у него и закончилась, он продолжит заниматься своей деятельностью незаконно.

Бросив чалки³³ за пределами стен Лисбо на пустынном берегу Тежу, чуть дальше по течению, мы быстро соорудили пристань и площадку для склада, поставили шатёр для конторы и несколько палаток, разослали вербовщиков и «охотников за головами». На сборы я отвёл себе три месяца.

Арендовать склад и причальную стенку в черте города на такой срок было накладно, а торговцы соглашались везти необходимый мне товар бесплатно.

Арендовав ещё три судна с хорошо зарекомендовавшими себя капитанами, мы принялись за работу.

* * *

– К вам англичанин, кэп, – доложил вахтенный помощник.

Теперь у меня их было два. Должность капитана я отдать кому-либо не рискнул. Я не переломлюсь, а отрываться от экипажа командиру не рекомендовано. Чревато бунтом.

– Пусть войдет.

На часах было восемь утра. Я услышал недовольную ругань, звяканье и стук повешенного на переборку холодного оружия.

– Странные у вас порядки, дон Педро, – сказал Людвиг, входя в мой кабинет. – Отбирают оружие.

– Не отбирают. Ты же сам его снял и повесил у входа.

– И попробуй не снять, когда на двери написано: «Вход с оружием запрещён. Стреляем без предупреждения».

Я рассмеялся. Встал из-за стола, накрытого скатертью, спрятавшей карты и пояснительные к ним записи, с которыми я работал, и вышел навстречу англичанину.

Людвиг приветствовал меня стандартным полупоклоном разведя руки, я его тоже. Мы не кинулись друг-другу в объятия. Не было между нами почему-то симпатии.

– Как ваше путешествие? – Спросил я.

– Едва остались живы. У берегов Африки на корабль напали, как вы их называете, «пираты», морские разбойники, и забрали всё, что было в трюмах и на борту. Все документы, карты и даже судовой журнал. Даже бочки с водой. Правда, отдали нам свои пустые и, слава господу, отпустили.

– Сочувствую, – произнёс я безразлично. – Давно пришли в Лисбо?

– Вчера. Мы пустые, как барабан. Портовые власти к нам безразличны. Вас я увидел ещё с рейда. Броская посуда. И как она?

– Превосходно, прости Господи.

– Я слышал, вы в фаворе?

– Есть немного.

– Слышал, в Санта-Круз собираете экспедицию?

– Собираю.

– Капитан с кораблём не требуется?

– Уже нет.

Глава 10.

Мы стояли, и я почувствовал не характерную мне неловкость.

– Выпьете? – Бросил я и достал из специального стенового шкафа стеклянную бутылку английского напитка.

– Это первый виски за четырнадцать месяцев. Не откажусь.

Я предложил сесть.

– Я забыл, какие у вас апартаменты.

Людвиг огляделся вокруг и расположился в одном из мягких кожаных кресел.

– Я остался совсем без денег, дон Педро, а в Лисбо я никого, кроме вас, не знаю. Я хотел обратиться к ростовщикам, но, опять же... Они потребуют гарантий. Пройдет какое-то время, пока они меня узнают, если только вы за меня не поручитесь.

– Мне проще ссудить вас самому, чем связываться с этими крохоборами, – рассмеялся я, разряжая обстановку. – Как вам виски?

– Божественный! – Ответил Людвиг, облегченно выдохнув.

Я вытащил из «холодильника» и поставил на стол графин с водой.

– Вода из горных источников. Очень холодная. Рекомендую смешать.

Холодильник я придумал сам. Это был ящик с дверкой, как у обычного холодильника. Сверху в специальный железный ящик засыпался лёд, который и являлся простейшим хладогеном. Талая вода через угольный фильтр стекала в емкость внутри ящика и продолжала охлаждать камеру. Её я тоже использовал для питья.

Стоил лёд очень дорого, потому, что везли его аж с севера Португалии, где заготавливали зимой.

Столкнувшись с этой проблемой, уже становилось жарковато, я стал интересоваться местом в горах поближе к Лиссабону, где бы можно было заниматься тем же, и такое место нашёл. Не так далеко от нашего замка, кстати, где находилась гора Монтежунту высотой более шестисот метров. Там, мне сказали, зимой ночью вода замерзает.

Я попросил брата зимой проверить. Информация подтвердилась, мы выкупили лысую вершину и поставили там фабрику по производству льда.

– Ну как?

– Восхитительно. Холодный виски значительно приятнее в такую жару.

– Вы не откажетесь со мной пообедать? Я рано встаю, поэтому рано обедаю.

– С удовольствием, – согласился явно голодный Людвиг. – Мой экипаж разбежался. Мы выловили всех крыс. Пытались охотиться с копьями на берегу, но местные жители, поняв, что у нас нет ружей, напали на нас. Мы едва отбились. И так три раза.

Я покачал головой.

– Вахтенный! – Крикнул я. – Распорядись с обедом на двоих.

Я посмотрел на капитана «Санта Люсии».

– Значит сейчас у вас и команды нет?

– Практически нет.

Мы пообедали мясом с бобами и зеленью. Пока стюард варил кофе, мы молчали.

– У меня есть к вам предложение, сэр Людвиг. Не согласитесь ли вы привезти мне рабов?

– Да пожалуйста, – ответил тот с удовольствием отрывивая. – Но мне как-то надо сначала добраться до Англии.

– А вы прямо с Англии мне рабов и привезёте.

– Каких рабов?

– В Англии очень много безземельных крестьян, бродяг, безработных. Вот их пакуйте их в трюма и везите сюда. Я вас подожду. Справитесь? Только не гнобите их, кормите нормально, и не прессуйте в трюмах, как солонину в бочке. Если будет слишком много, фрахтуйте ещё один корабль, или два. Я вам дам письмо к моему банкиру.

Людвиг нахмурился, а потом, мотнув головой, сказал:

– А что, неплохая идея. Им там всё равно жизни нет. Насильно?

– Добровольцев вербуйте на пять – десять лет. Остальных в принудительном порядке. Они ещё не знают своего счастья. Семейных – только добровольно.

* * *

Через четыре месяца моя флотилия из шести парусников вышла из Лисбо в Бразилию. Перед отплытием я собрал капитанов у себя.

– Наша цель – Кабо Фрио. Это вот здесь.

Я ткнул кончиком кинжала в карту, лежащую на большом штурманском столе. Думал сделать себе указку, но потом посчитал, что так будет brutальнее. Капитаны склонились над невиданной ими ранее картиной.

Я перенёс на большой формат, все имеющиеся зарисовки, и использовал переданный мне лично королём Мануэлом отчёт Америго Веспуччи. Мне важны были расстояния и направления.

Отправной точкой для меня были вырубленные у меня в памяти координаты моей будущей золотой кладовой: 20.23.08 и 43.30.29, направление от Рио-де-Жанейро и расстояние между ними – 265 км.

Когда я показал королю результат моей кропотливой работы, Мануэл сказал только одно слово: «Красиво!», но повторял его раз за разом, долго рассматривая береговой абрис. Линия не была прорисована «жирно». Предполагалось ее уточнение.

– К нему мы следуем по побережью материка на юг примерно от этой точки.

Я показал устье реки Реира на восьмом градусе.

– Сюда попадаем от вот этих островов. Они называются – Фернандо, по имени первого эксплуатанта Бразилии. До них всего тысяча семьсот миль от Южного Кабо Верде – Сантьяго.

– Я ходил до Фернандо, – сказал маленький шуплый, но очень жилистый и подвижный капитан.

– Я помню, Ромарио. Ты пойдёшь замыкающим. Всем, кто отстанет от флагмана, а вы от меня отстанете, это я вам гарантирую, крепиться визуально к «Бочке» за Ромарио, или следовать самостоятельно. В любом случае выдерживая указанный мной курс вы уткнётесь в Санта-Круз. Следуйте по побережью на восток и на юг. Мимо Кабо Фрио не пройдёте. И не забывайте вносить поправку на течение и ветра. Лучше брать зюйд. Всё понятно? Вопросы есть?

Вопросы были.

* * *

Остров Сантьяго встретил нас привычно радушно, но задерживаться в Прае мы не стали, а залившись водой и загрузившись солониной, на утро ушли в океан.

Я не особо беспокоился за следом идущие корабли и, взяв ветер, бакштагом³⁴ быстро от них оторвался. «Чайка» моя летела по волнам Атлантического океана. Душа моя пела, сердце радостно стучало. Я большую часть дня находился на баке. Меня умиляла носовая надстройка джонки с ровной площадкой. Я устроил здесь себе чо-то типа кафедры с креслицем, в котором можно было сидеть, пристегнувшись ремнями, на всякий случай, чтобы не вылететь за борт от удара о неожиданную волну, и смотреть в даль.

Специфика движения под парусом, как все понимают, – отсутствие ощущения «ветер в харю» из-за уравнивания скорости ветра и корабля. Если, конечно ветер не встречный. И это мне очень нравилось.

В той жизни я тоже любил ходить под парусом, и я это помнил. Ещё я вспомнил свою любимую песню. Когда в очередной раз мой парусник взбирался на очередную океанскую гору, в голове у меня зазвучало:

– Тут вам не равнины, тут климат иной.

– Идут лавины одна за одной,

– И здесь за камнепадом идет камнепад.

– И можно свернуть обрыв обогнуть,

– Но мы выбираем трудный путь,

– Опасный, как военная тропа.

Я аж привстал.

– Да-да-да! – Простучал в голове пулемёт.

– Тук-тук-тук! – Поддержал его АГС-1735

Голова закружилась.

– Нет-нет-нет! – Сказал я себе. – Песня пусть остаётся, а всё остальное за борт. Не надо, чтоб ветер охлаждал былые раны.

А в ушах уже звучало:

– Пора-пора-порадуемся на своём веку...

Погода стояла прекрасная, ветер почти попутный: восток-юго-восток, настроение великолепное. Шли пятые сутки пути.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – сплюнул я, повернувшись через левое плечо, и увидел что-то похожее на парус. Или на скалу. Не помню, чтобы здесь в Атлантике торчали скалы.

Взяв «трубу» и с трудом поймав «объект в объектив» я увидел четырёхмачтовую каракку. Она бодренько шла на запад, вероятно от берегов Африки. Они здесь все так ходили: сначала по Африке, потом, следуя ветру и течению поворачивали на запад. И выносило их напрямиком на экватор в устье Амазонки.

– Слева по курсу парус! – Крикнул матрос. – Десять кабельтовых.

Минут через тридцать парусник можно было разглядеть без оптики. Наши курсы пересекались. Быстро пересекались.

– Интересно, знают ли они правило «помеха справа»? – Сказал я сам себе. – Не собираются же они нас таранить?

– Право румб, – сказал я матросу-репитеру.

– Право румб, – крикнул матрос.

Джонка отклонилась от курса.

– Право два румба.

Парусник отворачивать не намеревался.

– Прямо по курсу скалы, – крикнул матрос. – Два кабельтова.

– Три румба в право, – сказал я.

Джонка, переложилась и снова, рванулась вперёд, взяв ветер другим бортом. Мимо нас с левого борта пронесли скалы.

– Твою ж..., – не успел договорить я, как послышался удар и треск.

– Они, что там? Слепые? – Крикнул я. – Парус по ветру.

Каракка напоролась на скалы.

Сбросив ход и развернувшись, мы вернулись к скалам с подветренной стороны и обошли их вокруг.

Островок был совсем крохотный и состоял из пяти, стоящих кольцом, остро поднимающихся из воды зубов. Это были просто камни. Между ними плескались волны. Каракка плотно засела между двух «зубов» и тонуть не собиралась.

На её палубе сустились матросы. На бушприте стоял человек в дорогом камзоле и шляпе с пером, вероятно, капитан и смотрел за борт.

– На лоте десять футов.

– Майна якорь.

– Кто вы такие? – Крикнул я в рупор.

– Франки! – Крикнул офицер.

– И что же вы тут делаете, франки?

– Я тосканец на службе у франков. Меня зовут Джованни да Верраццано.

– И куда направлялись, господин Джованни?

– К берегам Санта-Круз, – чуть помедлив, ответил тосканец.

Всё с ним было понятно. Браконьер. Трелюет красное дерево. Издеваться над ним мне вдруг расхотелось.

– Много вас?

– Тридцать пять моих и двадцать рабов.

– У меня всё под жвак. Только на палубе есть место. Могу взять максимум десять-пятнадцать человек. Дождёмся мою флотилию. Зажигайте фонари. Завтра должны подойти.

Мы и сами рассветили джонку, как новогоднюю ёлку.

– Со стороны подумают, что горим, – подумал я.

Я позвал тосканца к себе на борт, но он отказался.

Как и ожидалось, мои расчёты оказались верны, все мои суда появились на горизонте около полудня, и шли вполне себе по установленному курсу. Чуть левее этих скал.

Увидев нас, они вскоре уже бросали якоря рядом. А кому не хватило якорного места, крепили чалки с помощью шлюпок за камни. Благо море не штормило. Нам везло.

Но перегрузились мы знатно. Грех было оставлять восемь пушек. Я сильно пожадничал. Раскрепив их по свободным портам, я взял ещё капитана. Остальных франков и рабов распихали по другим коробкам.

– Вы предупредите сразу своих, – сказал я тосканцу. – Если будут «барагозить», пойдут кормить крабов.

– Что есть – «барагозить»?

– Дурить и хамить. Пусть сидят, как мыши под веником.

– Я предупрежу.

– И я не шучу! – Сказал я.

Капитана каракки я поселил в каюте, предназначенной для капитана, заклинив смежную дверь. Вёл он жизнь затворническую, выходил из каюты редко. Видимо сильно переживал за свой погибший корабль.

* * *

Я уже не рвался вперёд, а шел, уменьшив площадь паруса и уравнивая таким образом свой ход с остальной группой. До острова Фернандо добрались без приключений и все вместе, но останавливаться мы не стали. Воды мы набрали в пути, дождевой, так как вошли в зону тропических ливней, а тосканец высаживаться на острове расхотел, причину не объяснив.

– Я хотел бы тогда прояснить ситуацию. Мы идём не за добычей, а на мои земли. Мы там будем жить. И жить по моим законам и правилам. Все подчиняются мне и выполняют только то, что я скажу. Скажу со скалы прыгнуть, и придётся прыгать. Возвращаться скоро мы не собираемся.

Я пытался его запугать, но у меня не получилось.

– Я бы и сам прыгнул, – сказал он, абсолютно подавленным тоном.

И я от него отстал, только приставил часового к его каюте.

Через трое суток мы, точно в рассчитанное мной время, увидели материк и, с большой осторожностью, встали на якорь в некотором расстоянии от берега на глубине шесть футов под килем. Я не знал высоту здешних приливов-отливов и опасался посадки на мель. Такое часто случалось в Юго-Восточной Азии. Я видел отливы по два и три метра. Предчувствия меня не обманули. Утром корабль осел на два метра. Высадка на берег отменилась, и мы двинулись дальше.

Стояла дикая жара, а наши трюма были полны переселенцев. Мы ещё в Лиссабоне соорудили сборные вентиляционные трубы, как у меня на джонке, выставляемые с противоположных концов кораблей, которые обеспечивали движение воздуха в трюмах. Благодаря им до конца путешествия никто не умер.

Бразильское побережье манило зеленью, обилием разноцветных птиц и многоголосицей. Глубины манили кристально-чистой водой и пестротой морской живности, но мы шли и шли к своей цели, внимательно всматриваясь в глубины не на рыб, а ища дно и рифы, и делая необходимые измерения.

Моя джонка ежедневно вставала на якорь. Я дожидался полудня, с помощью секстанта и хронометра «брал точку» и переносил её на карту. Потом я нагонял группу. Ветер дул почти встречный, но моя джонка шла бейдевинд36 очень уверенно. Её почти косые паруса, плавная обводка корпуса и его отношение ширины к длине, как один к четырём, позволяли держать приличную скорость и нагонять, далеко ушедшие корабли.

Китайцы знали толк в судостроении и принцип «длина бежит». Подобное соотношение ширины к длине судна положительным образом сказывалось на скорости джонки, а частичное отсутствие килея и установка нескольких бизаней на самой крайней точке кормы, повышали её маневренность.

Способность брать практически встречный ветер, обуславливалась почти плоскими бамбуковыми парусами, для чего нижний рейс с помощью канатов опускался, натягивая парус. На обычных брезентовых парусах это было невозможно.

До Кабу-Фриу мы шли ещё четырнадцать дней и когда она вдруг открылась, мы поняли, что попали в райский уголок. Закрытая мысом и островами бухта с почти белым песком и приличными глубинами, раскрылась, как сказочный мир. Но нам пока было не до местных красот. Мы слишком были утомлены, из трюма слышались стоны и плач.

На берегу я разглядел огороженный не очень высоким забором форт и людей. Несколько длинных лодок поплыли навстречу нашим кораблям, и ещё до того, как мы бросили якоря, они облепили нас.

Лодки представляли собой местные долблёные плавсредства около четырёх метров длиной. В них сидело три-четыре человека, не похожих на европейцев. Большинство из них были абсолютно голые. Они лопотали на далёком от моего понимания языке и пытались забраться на борт.

– Нельзя, – крикнул я.

Бразильцы удивлённо посмотрели на меня.

– Почему? – Спросил один из них.

– Мы будем высаживаться на берег, – продолжал я говорить на португальском. – Будет мало места. У нас много людей. Потом.

– Понятно, – сказал местный и что-то стал кричать своим товарищам.

Мы спустили на воду шлюпки и стали выводить из трюма людей. Я им мысленно сочувствовал, но в то же время, понимал, что наши условия содержания мало отличались от тюремных английских, куда сажают бродяг, попадающих в города. А куда ещё деваться крестьянам,

если у них отобрали землю. В Англии с бродяжничеством боролись очень сурово с пятнадцатого по девятнадцатый век. Это я помнил хорошо.

Помнил я и то, что на север Америки завозились белые рабы, коих насильно вывозили из Англии. Эту мысль я и подкинул капитану Ван Дейку. У меня рабами они не будут (я так думал), а если и придётся их понуждать к «труду и обороне», то также, как и всех других первопоселенцев.

– Слушай мою команду! – Крикнул я. – В каждую шлюпку по четыре вооружённых сопровождающих. Два остаются на берегу в охранении, два возвращаются за следующей партией. Объяснять вновь прибывшим, чтобы далеко не разбегались. Возможны вооружённые столкновения с местными. Исполняйте.

Помощники поработали с личным составом и с переселенцами хорошо. Бардака не наблюдалось. Тренировки в Лисбо не пропали даром. Мои матросы многократно отрабатывали посадку-высадку в шлюпки, потому что я хорошо знал по своему опыту, теория должна обязательно подкрепляться практикой.

Глава 11.

Вдруг со стороны каракки Ван Дейка послышались выстрелы и парусник заволочло дымом. Послышались крики: «Рубите концы», «Команду за борт».

Когда дымы рассеялись, я увидел, что парусник снимается с места и начинает движение на выход из бухты. Людвиг сэкономил на экипаже и вместил максимум рабов, потому что за каждого я платил ему звонкой монетой. И вот сейчас я разглядел его, карабкающегося из воды на подоспевшую вовремя шлюпку.

Я понял, что Ван Дейк, вынужден был ссадить почти весь экипаж, чтобы контролировать рабов и пятнадцать французов захватили его корабль.

Я стоял и думал: «Оно мне надо?». Я уже минут как двадцать стоял и мечтал окунуться в эти лазурные волны. Я уже чувствовал обтекающие меня струи относительно прохладной воды. Атлантический океан у берегов Бразилии не радовал купальщиков теплом, но здесь, в мелко-водной бухте, вода должна была быть именно такой, как я люблю. А сейчас следовало малым экипажем срываться с места и мчаться за пиратами. А потом ещё и драться за эту несчастливую посудину. А может: «Ну её нахрен?»

– Сбросьте якорный конец. Взять ветер, – скомандовал я.

Матросы потянули канаты, поворачивая парус.

– Упались.

– Только не стреляйте, – услышал я крик Ван Дейка.

– Совсем охренел, – пробубнил я.

«Чайка» развернулась на пятке и быстро набрала ход.

– Держать парус слабым.

Парус выгнулся, взяв ветер. Я увидел каракку, когда мы выскочили из-за острова. Она шла всего в трёх кабельтовых и мы её нагоняли быстро.

– Заряжай носовые.

Канониров не было.

– Санчо, к орудиям. Дуля, помощи.

Орудия зарядили.

– Упреждение по курсу сорок, прицел сто двадцать.

– Есть сорок – сто двадцать.

– Огонь!

Санчо приложил фитиль, пушка окуталась дымом, и в уши ударил выстрел. Ядро прошло впритирку с бортом и запрыгало мячиком по волнам.

– Упреждение шестьдесят, прицел сто двадцать. Огонь!

Вторая пушка грохнула и в рассеянном дыму я увидел прямо перед собой корму и накинул на себя железный панцирь и шлем.

– Лева руль, правым навались! Абордаж после залпа.

Грохнул залп мушкетов с каракки. Ему ответил наш залп, и я, схватившись за линь, свисающий с верхней реи, прыгнул с бака джонки на бушприт каракки, пытаясь вцепиться в ванты, но соскользнул с них и сильно ударился коленом об утку³⁷.

Получив следом удар палашом по шлему, я озверел от боли и от беспомощности. Упав на левую ногу и потирая правое колено правой рукой, я рванул левой рукой свой правый палаш и закрывшись болтавшимся на канате блоком, дернул за нижний конец фала и направил блок по дуге в сторону громадного пирата.

Франк шагнул вперёд и увернулся от летящей в его сторону тридцатисантиметровой деревянно-медной хреновины, но я резко потянул фал к себе и блок треснул его по спине. Франк взвыл, присел на правую ногу и выбросил вперёд левую руку с палашом. Я парировал

и выхватил второй палаш, в то же время уворачиваясь от блока, который возвращался ко мне по невообразимой траектории, крутясь и одновременно подпрыгивая, как на резинке.

Я снова толкнул блок во француза и снова попал в него. Уже по голове, правда «чирком». Француз ещё раз взвыл и кинулся на меня.

Я шагнул влево и ещё раз влево, низко присел на левую ногу и ткнул его правым палашом, едва касаясь, а потом шагнул правой ногой вперёд, проникая остриём глубже в печень. Левая рука, круговым движением вовнутрь увела клинок противника и скользнула по его руке в сторону его шеи, но я представил, как сейчас из артерии брызнет кровь и задержал руку. Ему и так хватило.

Оттолкнув первого врага, я двумя прыжками приблизился к двоим, дерущимся с Санчо и насадил их обоих, как цыплят под рёбра. Это было, как нельзя кстати. Они уже подрезали парнишку с обеих сторон. Он весь был в крови.

– Остынь и перевяжись! – Крикнул я, отпрыгивая вправо, уворачиваясь от очередного противника.

Его палаш не встретив моего тела, стукнулся о палубу, «отыграл» от неё и выскочил из руки франка, подпрыгнув вверх. Я с силой ударил по нему плашмя сверху и он воткнулся в своего хозяина, а мой сапог, ударом подошвы по эфесу загнал его глубже.

Видя, что Санчо не может найти у себя перевязочный пакет, я резанул ремень сумки и швырнул её к матросу.

– Срочно перевяжись! Кровишь сильно!

Я шагнул в сторону и моя левая нога поехала по кровавой луже вперед. Едва удержав «полу-шпагат» я увидел, что не успеваю уйти от бокового удара, и расслабил ноги. Ноги растянулись на всю ширину, и я ушёл в перекат через правое плечо, выкинув ноги вверх и крутнув «ножницы», одновременно подрезая ноги противника обоими палашами.

Сделав ещё один перекат, я встал сначала на колени, а потом на ноги. Вся палуба была в густой крови. Сапоги скользили, и я метнул палаш во француза, боясь, что он зарежет моего бойца. Палаш сделал оборот и ударил пирата рукоятью между лопаток, тот поскользнулся и шлёпнулся на спину, а мой боец просто упал на него, вонзив острие своего оружия ему в грудь, пригвоздив к палубе, как жука.

Я оттолкнулся руками от мачты и «выехал» по крови на относительно сухое место к противоположному борту. Оглядевшись, я увидел следующее. Моих бойцов из пятнадцати живыми осталось восемь, из них основательно раненных – пятеро.

Пройдя по «сухому» на корму каракки и глянув в море, я увидел приближающуюся «Темпестаду», а за ней и «Файиску».

– Всем перевязаться и перевязать раненых! – Крикнул я.

На «Темпестаде» приплыл Людвиг.

– Спасибо, дон Педро! – Крикнул он, взобравшись на борт.

– За что? – Спросил удивлённо я.

– Как за что?! Вы спасли мой корабль!

– Ваш корабль?! – Удивился я. – Вы ошибаетесь, сэр Людвиг.

Ван Дейк тоже в свою очередь удивился моим словам и стоял наливаясь краской, постепенно понимая суть произошедшего. А я не стал его долго мучить своим молчанием.

– Это уже не ваш корабль, – сэр Людвиг, – а мой. Вы же знаете правила.

Ван Дейк стоял понурив голову, но мне не было его жаль. Почему я должен играть в благородство с теми, кто бьёт меня по голове и швыряет за борт в бушующие волны? А так же, ведёт себя вызывающе, и со мной, и с моим окружением.

Он прибыл в Лисбо напыщенный, как индюк, как будто не на мои деньги он нанял экипаж, закупил рабов. Причём, явно «наварившись» в три раза. Он разговаривал со мной тогда «через губу», уже подсчитав свой профит от экспедиции.

– Но... Как же так? – Наконец выдавил он из себя. – Вы же джентльмен...

– Я?! – Искренне удивился я. – Вот уж нет! Я обычный маркиз де Жанейро, рыцарь Ордена Христа. Вы удивлены, что я действую по общим мореходным правилам? Я захватил и отвоевал судно у пиратов, поэтому оно моё. Я пролил свою кровь и кровь моих моряков, которым я обеспечиваю пенсион. Или я не прав, господа? – Обратился я к стоявшим невдалеке двум капитанам, как к независимым экспертам.

– Вы в своём праве, дон Педро, – сказал, ничуть не смутившись и глядя прямо в глаза Ван Дейку, капитан «Темпестаде».

– Станьте и вы третейским судьёй, дон Кристиан, – попросил я.

– Закон на вашей стороне, дон Педро, – спокойно и уверенно сказал он. – Мы подпишем акт о вашем вступлении во владение судном.

– Неужели, вы поступили бы иначе? – Усмехнулся я. – И потеряли бы выгоду? Не думаю.

И тут Ван Дейк бросился ко мне с кинжалом в правой руке, ударяя наотмашь. Я, честно говоря, не ожидал, и успел лишь отшатнуться назад, но прикрыться палашами уже не успевал, хоть и держал их в руках. Руки намахались и одеревенели, а плечи набухли так, что казалось, железо брони висит на шарах пудовых гирь.

От моего рывка незакреплённая ремнями грудная пластина брони дёрнулась вверх и своим краем подбила кинжал, нацеленный мне в подмышку. Я машинально подбил правой ногой почти упирающийся в палубу правый палаш, и его остриё, взлетев, мягко вошло в живот Ван Дейка по самую гарду.

– Вот дурак! – Искренне расстроился я. – На хрена мне твоя жизнь?!

* * *

Поневоле пришлось купаться. Я был уделан в чужой крови, как свинья.

Наведя порядок на «Санта Люсии» и предав погибших по-морскому закону водной пучине, мы вернулись в Кабу-Фриу.

Я вёл свой караван в Кабу-Фриу, потому что знал, что здесь находится форт и дровяной склад. И должны были находиться какие-то европейцы, но их здесь не оказалось. Больше ничего о Кабу-Фриу я не знал.

Побережье скрывало очень солёное и очень большое озеро. С морем озеро соединялось мелководной вытекающей из него во время отлива протокой. Во время дневного прилива мы перетянули по ней свои шлюпки и с их помощью организовали его предварительную разведку. В озеро впадало несколько рек. В устье ближайшей реки стоял ещё один форт, но тоже заброшенный.

То, что мы на берегу встретили индейцев, можно было бы назвать случайностью, но это не была случайность. Они каждый день приходили на берег к полудню, в надежде, что придёт «белый корабль» лесозаготовителей, и, наконец, встретили нас.

Индейцы называли себя «тупи». За десять лет общения с португальцами они неплохо освоили язык и вполне сносно общались с нами. Мы угостили их оставшимися сухарями, а они наловили нам десять корзин крупных креветок. В озере. Прямо возле берега. Я был поражён.

В ловушки, представлявшие из себя плетёные из лиан конические конструкции, была засунута подобранная на берегу гнилая рыба и ракушки. Сами ловушки были занесены в озеро на глубину около двух метров. Через полчаса корзины были полны. Не ловушки, а корзины. Все десять штук.

Я ел креветки сырыми. В своё время меня случайно накормили ими, и я даже «перетемпературил» сутки, но остаток отпуска уплетал их живыми без последствий.

Эти креветки были прародичами тех, а экология сейчас, вроде, как получше, поэтому я даже не сомневался, есть, или не есть.

Остальные тоже не побрезговали и корзины опустели в считанные минуты. Мы все выжили, хотя кого-то и пронесло, но скорее всего не из-за креветок. Народ мой, в основном, находился в ослабленном состоянии. Всего мы привезли сто двадцать девять переселенцев.

Индейцы тупи вели полуосёдлый образ жизни. Они жили там, где выращивали маис, потат и бобы, где охотились, а охотились они везде. И огороды разбивали везде. Их лёгкие домики-шалаша, как потом оказалось, были разбросаны по джунглям тут и там. Везде, где мы ходили мы находили их хижины.

Но главная деревня этого племени, с большими посадками картофеля, маиса и маниоки располагалась рядом с фортом, совсем недалеко у реки. В деревне обитало около двухсот жителей.

Этот форт нам пришлось переносить выше по течению и на противоположную сторону реки, подальше от индейской деревни, а два строить на других реках, вырубая густые заросли кустарника и лиан, спиливая деревья.

Все форты ставили на обоих берегах не очень широких и не очень прозрачных рек. Глинисто-песчаная почва позволяла вбивать сваи в дно и перегораживать его столбами, на которые мы горизонтально укладывали стены, защищающие форт со стороны русла.

Протекающие в фортах реки обеспечивали форты водой и канализацией отходов. Очень удобно. Я знал, что двести человек без канализации изгадят местность продуктами своей жизнедеятельности очень быстро. Что мы и видели вокруг индейской деревни.

Река в периметрах фортов была чётко зонирована деревянными плотинами, по которым шли переходные мостки. На выходе рек из форта на стенах установили приспособления для сидения и созерцания. Лицом вверх по течению, естественно, дабы не осквернять одухотворённый взор низменными картинами собственных испражнений. Чуть выше по течению устроили помывочные зоны типа купален, ещё выше – была зона забора воды для кухни.

Озеро было настолько солёным, что в местах его высыхания очень быстро образовывалась плотная корка соли. Мы собрали всю соль в подобных естественных соляницах и одна из статей дохода нашей колонии мной была определена.

Я назначил двадцать человек на огораживание мелководных участков и уже через неделю процесс добычи соли пошёл. Огороженные участки быстро высыхали. Туда добавлялось еще немного воды из озера, потом ещё и ещё. Черпальщики собирали выпаренную соль в кучи. Фасовщики засыпали соль в корзины, сплетённые ими же.

Через месяц мы отправили один корабль в Португалию. Он увозил соль и красное дерево, выкупленное нами у тупи, по договорённости продолжавшими рубить его в джунглях.

На местах вырубок мы высадили пророщенные семена кофейного дерева и гвоздичного дерева, мускатного ореха, корицы, апельсина, разбили грядки и засадили их кайенским перцем, семена которого я вывез из Индии. Рядом с оставшимися после вырубок деревьями посадил семена лиан чёрного перца.

Если семена специй приживутся, это будет вторая доходная статья моего бюджета – пряности.

Не откладывая в долгий ящик, я задумался об основной статье моего дохода, но реализовать её можно было только совместно с тупи.

У вождя племени было длинное имя. Оно состояло из одного своего и шести имён врагов, захваченных им лично в плен и съеденных в ритуальный день поминовения родичей. Один из шести пленников жил в семье вождя уже несколько лет, которые тупи считали по сезонам дождей одним словом: «много»: «Много сезонов дождей».

– Хорошо, что ты приплыл, – сказал Мукату. – Слишком много у нас рождается девочек. Белые люди давно ушли. Жён брать некому. Хотели уже убивать. А сейчас хорошо. Всех забирайте.

- Зачем убивать? Они же воинов рожают для племени.
- Для чужого племени. Своих в жёны брать нельзя. Чужие их заберут и воинов народят. А сейчас ты заберёшь. Заберёшь? – С надеждой спросил он.
- Конечно заберём. Нас много. И у твоих соседей заберём! У тебя мало.
- О! – Обрадовался вождь. – Это хорошо! Война, это весело. Много мяса. Белый люди сильный воин с громом. Убивать не надо. В плен возьмём, потом съедим. Или ты тоже не ешь пленных? Бог не даёт?
- Не даёт, Мукату, – согласился я.
- А где силу, смелость берёте, если не у врагов?
- Бог даёт. У нас сильный Бог. Если его попросить, много силы даёт. И съесть никого не надо.
- Мне отдашь пленников? – С надеждой спросил он.
- Себе оставлю. Имя их заберу, а когда съест, сам решу. Тебе своих хватит, вождь. Много врагов есть, тоже вредно.
- Почему? – Удивился Мукату.
- Твой Бог может не узнать тебя, если у тебя будет много имён.
- Мукату удивился, задумался, потом рассмеялся и махнул рукой.
- Шутишь! – Сказал он.
- Теперь удивился я. Индейцы каменного века понимают юмор? Чудеса.
- Когда пойдём воевать? – Спросил я.
- Свадьбы отпразднуем и пойдём. Я тебе своих трёх дочек отдам. Две из них ещё совсем молодые, но ты всё равно их бери. Я сам их кормить буду пока они не вырастут, не беспокойся.
- Договорились.

Как только мы переженились, все индейцы сразу стали нашими родичами. Оказалось, что можно было брать в жёны и вдов. Даже не можно было, а нужно. Их белые мужья, «без вести пропавшие» в просторах океана, тоже приравнивались к павшим в бою.

- А если объявится прежний муж? – Спросил я.
- У нас такого ещё не было. Если муж пропал, то его, или кайман съел, или враг. Он подумал.
- Воины разберутся, – ответил он коротко. – У нас часто бывает, что воины спорят за добычу.

Новые родичи активно принялись помогать нам в строительстве фортов и уже через три месяца форты были построены.

- Я всё не пойму, для чего вы строите вокруг хижин стены? – Спросил вождь. – Смелости мало? Тупи смелые. Стены не строят.

Я ход его мыслей понял.

- Ты видел сколько у нас коз и птиц домашних ходит?
- Видел, но не понял, зачем.
- Чтобы еда всегда рядом была.
- Еды много не надо и она всегда рядом.
- Это еда, к которой мы привыкли. Стен не будет – они разбегутся, или их пума съест. Мы так защищаем своё имущество. В том числе и своих женщин, когда нас нет дома. Поэтому лишних женщин можно не убивать, а отдавать пленникам в жёны.

– Правильно. Сыновей пленников тоже можно съесть, когда вырастут. В них сила отцов. Мы так и делаем.

Я опешил. Мой хитрый замысел искоренения каннибализма не удался. У меня не было опыта общения с каннибалами, хотя инструктажи на эту тему, я помню, были.

– Съесть то можно, но лучше их использовать, как воинов, чтобы у них больше силы и смелости стало, а потом уже съесть.

Дело в том, что быть съеденным, считалось большой честью и пленённый воин, у которого отобрали имя, полностью подчинялся пленившему его воину и, естественно, никуда не убегал, даже если его отпускали. Это был позор для воина. Мукату надолго задумался.

Глава 12.

На четвёртый месяц нашего здесь пребывания вернулась моя «Санта Люсия», гружённая пшеницей и лошадьми.

– Всё, Мукату, можно в поход идти. Загрузим провизию, оружие и вперёд!

Я гарцевал перед вождём на коне, только что его остановив после небольшой пробежки по берегу озера.

– Какие вы, белые, умные... – Сказал Мукату. – Так далеко можно уйти и много пленных взять. Ружьё дашь?

Он много раз просил, уже без особой надежды, правда.

– Я же тебе много раз говорил, оно стреляет только у белых. Ты же уже пробовал.

Я протянул ему мушкет. Он, хитрая морда, насыпал на полку чёрной земли. Где он её только взял? Вокруг чернозёма не найти днём с огнём. Потом с умным и важным видом прицелился в озеро и клацнул кремневым курком.

– Не та земля, – сказал он задумчиво, имея ввиду порох. – А своей ты мне не дашь?

– Не нужен тебе мушкет. У тебя лук и стрелы есть. Зачем тебе мушкет?

– Стрелы, это хорошо, но они в ветках застревают, а твой гром и через ветки убивает.

– Согласен. Но мы же не убивать идем, а пленников брать.

* * *

Пришло время похода и мы тронулись в путь. Поначалу, когда мы шли по прореженным индейскими вырубками джунглям, дорога не казалась утомительной, но через километров десять начались настоящие джунгли.

Наши низкорослые лошадки и муллы, тащившие поклажу, нас выручили сильно. Тупи приготовлением пищи не заморачивались, а ели, то что попадётся под руку. Они разбрелись вширь по ходу движения, мы же, чтобы не потеряться, вынуждены были идти колонной, прорубаясь сквозь лианы и кусты.

– Мы так всех тупи распугаем, – сказал мне вождь на вечернем привале

– Ты не понимаешь. Враги слышат нас, но не слышат тебя и твоих воинов. Нападай на них.

Вождь задумался, жуя такие-то коренья.

– Ты умный. Мы прошли деревни родичей. Дальше – только добыча.

– Вот и ищите её. То, что можете взять сами – берите. Что не можете, ждите нас, но предупреждайте, что бы мы шли тише.

– Ты хороший вождь. Когда я уйду к предкам, ты будешь вождём тупи – поедателей креветок. Хорошо?

– Хорошо, – не подумавши согласился я, засыпая в гамаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.